

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова
МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды»

И.Л. Измайлов

ТЮРКСКАЯ ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ:

ОЧЕРКИ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Казань – 2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-4
И 37

*Серия «История и культура Золотой Орды
и татарских ханств»*

Выпуск 32

*Издание подготовлено в рамках VII Международного
Золотоордынского Форума в соответствии с Республиканским планом
основных мероприятий, посвященных празднованию 1100-летия
принятия Ислама Волжской Булгарией, и распоряжением Кабинета
Министров Республики Татарстан от 14.02.2022 г. № 228-р*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Рецензенты:

доктор исторических наук *П.М. Кольцов*
кандидат исторических наук *А.В. Аксанов*

Измайлов И.Л.

И 37 Тюркская городская цивилизация: очерки теории и истории. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. – 108 с.; 12 с. ил.

ISBN 978-5-94981-382-9

При наличии общей серьезной проработки вопросов методологии цивилизационного подхода, его эвристические возможности по отношению к конкретным регионам и культурно-историческим общностям остаются недостаточно проработанными. Немногие локальные цивилизации смогли сохранить свою самостоятельность и своеобразие в условиях динамично меняющегося мира, модернизации и глобализации, стирающей цивилизационные и культурные границы. Тюркская цивилизация, пройдя длительный период развития и адаптации, через подъемы и спады, демонстрирует способность к внешней модернизации при сохранении своего культурного ядра и национально-культурных идентичностей.

Книга предназначена для историков, археологов, культурологов и всем, интересующимся прошлым нашего Отчества.

ISBN 978-5-94981-382-9

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-4

© Измайлов И.Л., 2022

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

При наличии общей серьезной проработки вопросов методологии цивилизационного подхода, его эвристические возможности по отношению к конкретным регионам и культурно-историческим общностям остаются недостаточно проработанными. Одним из таких объектов является прошлое кочевых скотоводческих народов степей Северной Евразии. Интерес к нему для отечественной историографии вызван тем, что важной ее частью является мусульманская тюрко-татарская общность. Важной составляющей определения истоков тюркских народов служит выяснение его цивилизационной принадлежности.

Важнейшим показателем развития цивилизации является становление городов и городской культуры. Еще со времени разработки Г. Чайлдом проблем истоков культуры считалось, что урбанизация, свершившаяся после неолитической, являлась важнейшим шагом на пути к развитию оседло-земледельческих цивилизаций. Тем самым, городская революция считалась и считается самой сутью цивилизации. Соответственно, именно вокруг этого вопроса ведутся самые ожесточенные споры, особенно яростные, когда речь идет о цивилизации, возникшей на северной границе древних империй, которым на этом основании отказано считаться цивилизациями. Более того, несмотря на мнение, что кочевое общество обладало динамикой, антропологией движения, она объявлялась стагнирующей и застывшей в единообразных формах. Представлялось, что кочевые государства вообще не претерпевали какое-то развитие, но были способны только грабить и разорять оседлых соседей, сохраняя стабильность только эксплуатируя оседлые регионы.

Необходимо подчеркнуть, что определить понятие «цивилизация» довольно сложно. И если сущность и объем понятия культуры еще как-то пытаются вербализовать, то дать строгую дефиницию понятию «цивилизация» не берется никто. Если мы обратимся к работам А. Тойнби, О. Шпенглера, то там мы не найдем четкого определения понятия «цивилизация». Это не случайно, потому что оно настолько общее, настолько многоплановое и многослойное что

ПРЕДИСЛОВИЕ

дать ему какое-то четкое определение очень трудно, с чем и столкнулись, очевидно, эти и другие весьма вдумчивые авторы. Речь идет не только о выявлении характерных черт цивилизации, как способа дифференциации человеческих обществ, но и о выделении «первичных» и «вторичных» цивилизаций. Надо учитывать, что эта теоретическая неопределенность связана в значительной мере с тем, что нет единого подхода к базовому понятию, сути цивилизации, как общемирового явления. Так для определения внутренней духовной сущности цивилизации используются разные термины: *душа* (О. Шпенглер), *формативные принцип* (Н. Данилевский), *стиль* (А. Тойнби), *центральный смысл* или *ментальность* (П. Сорокин), *коллективное сознание* (Р. Уэскотт) и т.д.

Недаром последние сводные работы по перечислению цивилизаций, которые выделяются наиболее авторитетными в западной науке исследователями включает 66 цивилизаций, причем только три из них (китайская, индийская и западная) названы всеми, а 50 цивилизаций указываются только одним из авторов. Иными словами, само определение понятия «цивилизация» и выделение последовательно существовавших цивилизаций вызывает массу вопросов и противоречий. Разумеется, это не должно останавливать нас на пути изучения этого исторического явления, заставляет, более серьезно относиться к нашим суждениям о конструировании тех или иных цивилизаций,

Если мы обратимся к классической схеме А. Тойнби, то не обнаружим в ней тюркской цивилизации, а описание мусульманской цивилизации там довольно размытое. Поэтому есть действительно необходимость как-то теоретически определить были ли цивилизации в Северной Евразии, насколько они были развиты, можно ли их поставить в один ряд с другими цивилизациями или татаро-мусульманская цивилизация является какой-то субцивилизацией или продуктом смешения нескольких цивилизаций. Как бы эти вопросы ни казались абстрактными, но постановка их необходима, если мы стремимся не только провозгласить существование «тюрко-мусульманской» или «тюркской» цивилизации, но и выработать какие-то отправные точки, вокруг которых можно было бы строить дискуссию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная точка зрения требует обсуждения с точки зрения теоретической и практического изучения реальных степных обществ, для понимания того, как возникла в их среде оседлость и какие этапы урбанизация в этих обществах прошла в своем развитии. Для этого необходимо понять и изучить цивилизацию, как теоретическое понятие. В среде профессиональных теоретиков и философов нет единого и ясного понимания, что такое «цивилизация» и какими критериями его можно единообразно описать. Поэтому требуется понимание самого смысла этого понятия и его характерных форм и проявлений в истории.

Обычно предметом изучения в плане цивилизационных исследований является дилемма «Восток-Запад» и все обсуждения теории и практики вращаются вокруг этой темы. Но проблема истории кочевого и шире – степного общества в этой связи затрагивалась гораздо меньше и в рамках этой самой дилеммы. В них часто специфика степного общества часто поглощалась понятием «Восток». Но если в классических востоковедческих исследованиях главным являлось, с одной стороны, выявлением общественных форм близких к западным, а с другой – определение их специфики. Кочевые общества, чья специфика понятна и отличие от привычных социальных и культурных паттернов, присущих Европе, ясна и, вроде бы, не требуют подобного сравнения. Между тем, сама история кочевого общества и его конкретных проявлений требует серьезного изучения на предмет сходства и различия, например, в вопросах урбанизации. Несмотря на кажущуюся очевидность, этот вопрос может показать гораздо большее сходство между различными обществами, чем ранее казалось.

Важным вопросом является борьба и столкновение цивилизаций. Для кочевой и оседлой цивилизаций это кажется серьезным вопросом. Но не менее, а часто более важным представляется вопрос о взаимном влиянии и культурном обмене между оседлыми и кочевыми цивилизациями. Важно это как в военно-политическом и торгово-хозяйственном, так и культурном плане.

Проблемы урбанизации находятся в самом перекрестье всех этих проблем. Они наиболее важны для понимания как динамики связей между разными типами цивилизаций, так и для внутреннего

ПРЕДИСЛОВИЕ

развития самих цивилизаций. Поэтому проблема становления и развития городов является ключевой для понимания эволюции степных цивилизаций.

Определяющую роль в становлении и развитии цивилизации играло возникновение и усложнение структуры государства. Связь между ними так прочна, что не всегда ясно, что важнее и что является первичным в этом процессе. Это также справедливо и для степных обществ, где цивилизация приобрела форму свою политическую, хозяйственную и культурную форму.

Цивилизация при объяснении ее как стадийного явления исторического процесса связывается с формированием и установлением новой социальности. Становление и развитие этой социальности выражает в своеобразных формах и структурах общеисторический процесс. Однако по отношению к степным обществам этот процесс только начался и требует особого внимания.

Важную роль в становлении и развитии тюрко-татарской цивилизаций сыграло то, что степи Евразии издавна были важнейшим транслятором культурных достижений и торговой магистралью, связывающей разные части Старого Света. По протяженным трансконтинентальным путям внутри Евразии издавна процветали торговые магистрали, такие как Шелковый или Волжский пути, маршруты из стран Востока в Приуралье и Сибирь. Наиболее протяженным из них являлся Шелковый путь. По нему в течение многих столетий перемещались различные товары, знания и технологии. Возникновение его связано с движением тюркских народов, главным образом сюнну (хунну), на запад, где они вышли на восточные рубежи средиземноморской цивилизации. В результате открылся торговый путь, по которому перемещались шелк, фарфор, чай, пряности, серебряные изделия, а также информация о научных открытиях и технических достижениях.

Позднее в период средневековья торговые магистрали объединились в единую сеть, став своеобразными кровеносными сосудами, несущими процветание во все регионы Евразии. Открытия, сделанные в одном конце мира, довольно быстро становились достоянием всего континента.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В числе открытий тюркской цивилизации, ставящей ее в один ряд с другими великими культурами, является изобретение своих алфавитов (тюркская руника и уйгурское письмо). Это культурное достижение тем более значительно, что оно представляет достижение собственной культуры тюрков. Впервые тюркские народы получили возможность транслировать знания и сохранять в текстах свою культуру. Это выдающееся достижение, сделавшее тюркские народы одними из важнейших факторов развития средневекового мира. Позднее распространенное среди многих тюркских народов арабское письмо указывает на способность созданной ими культуры, восприимчивой к освоению элементов чужой культуры без ущерба для базовых оснований своей.

Высокий уровень духовной культуры демонстрируют тюрки в создании сложной мифологической системы. Эта модель мира тюркской культуры, получившая в литературе условное название «тенгрианство» имела как общие черты с другими мифологиями, так и собственное видение этого и потустороннего миров. Эта система верований сосуществовала с манихейством и буддизмом в тюркских и уйгурском каганатах, а позднее адаптировалась или вытеснялась на периферию сознания исламом. Но остатки верований, превратившись в суеверия, понятия, объясняющие мир, сохранились и используется тюркоязычными народами и сегодня.

Ислам и мусульманская культура, начавшая внедряться в среду тюркских народов с VIII в., а с X в. и став государственной религией целого ряда тюркских стран, стала определять их цивилизационный облик. Различные тюрко-татарские народы Евразии, сохранив свои традиции, приобрели новый вектор своего культурного развития, связавший их еще одним культурным пространством.

Все эти культурно-технологические открытия, наряду с устойчивым производством продуктов питания и ремесленной продукции, создали базу для резкого убыстрения социального и политического развития в Центральной Азии. Степным народам удалось уже на рубеже эр создать свое государство. В период средних веков в некоторые исторические периоды степные народы создавали целый ряд мировых империй, самой громадной из которых стала держава Чингиз-хана, превосходившая своими размерами такие империи,

ПРЕДИСЛОВИЕ

как Римская, Македонская и Арабский халифат. Это доказывает, что культура степных народов была постоянным и важным фактором влияния на мировые цивилизации.

Данная монография включает как ранее публиковавшиеся статьи, которые были переделаны для данного издания, так и совершенно новые работы. По этой причине его следует воспринимать не как сборник устаревших и не очень актуальных работ, а как попытку подойти к рассмотрению темы цивилизации урбанизации с новых позиций.

ОЧЕРК I

Средневековая история тюрков: цивилизационный подход

Кризис методологии отечественной науки, который явственно стал проявляться в 1980-е гг., наиболее серьезно затронул теорию общественно-экономических формаций. Это связано с идеологической перегрузкой этой теории, служившей универсальным основанием и объяснительным принципом всемирного исторического процесса в советской исторической науке. Распад Советского Союза и крах его идеологической системы привел к полному падению авторитета этой теории. Ответом стало обращение историков к понятию «цивилизация», как к концептуальному средству, объединяющему разные стороны исторического процесса – социального, этнокультурного и экологического. Цивилизационный подход, имеющий более универсальный характер, ярко выраженную гуманистическую направленность и вариативность в объяснении исторического процесса имеет больше гносеологических возможностей, чем жесткая материалистическая схема советского марксизма.

Между тем, при наличии общей серьезной проработки вопросов методологии цивилизационного подхода, его эвристические возможности по отношению к конкретным регионам и культурно-историческим общностям остаются недостаточно проработанными. Одним из таких объектов является прошлое кочевых скотоводческих народов степей Северной Евразии. Интерес к нему для отечественной историографии вызван тем, что важной ее частью является мусульманская тюрко-татарская общность.

Важной составляющей определения истоков татарского народа служит выяснение его цивилизационной принадлежности. На протяжении последних двух веков изучения прошлого, когда происходило наиболее активное накопление знаний и вырабатывались концептуальные подходы, основной инструментарий носил европоцен-

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

тристский характер, а в отношении народов Востока это был ярко выраженный ориентализм.

Сама теория цивилизации, восходящая еще к античным временам к противопоставлению «культура» – «варварство», предполагала целый ряд негативных характеристик соседних народов. В эпоху средних веков и Возрождения военно-политическое и идеологическое противостояние между этими мирами только усилилось, поскольку дополнительно приобрело религиозный смысл. Все эти коннотации только усилились в период колониализма. В середине XVIII – первой половине XX в. теория цивилизации в целом ряде трудов была совмещена с идеями расизма и мессианизма «бремени белого человека» в широком спектре от научной расологии и евгеники до откровенного нацизма (Лейри, 1957, С.19–75; Крюков, 1982, С.8–20; Майлз, Браун, 2004; Шнирельман, 2011). В конце XX в. подобные идеи были подкреплены теориями о сопряженности цивилизации с расой и «столкновении цивилизаций». Все они так или иначе указывают на то, что культура кочевников является периферией цивилизованного мира, регионом вне цивилизаций – отсталым, варварским и диким состоянием общества (см.: Арнольди, 2011). По мнению признанных специалистов, кочевниковедов Л. Крэдера и А.М. Хазанова, общество степных скотоводов было законсервировано на долгие века: «... по основным социально-экономическим структурам и формам эксплуатации, равно как и по основным тенденциям общественного развития, древние кочевники евразийских степей были весьма близки к кочевникам средневековья и даже нового времени» (см.: Krader, 1963, p.4; Хазанов, 1975, С. 265). Представления о застойности и отсталости социальных институтов и культуры вместе с эволюционистским идеями, вызвали к жизни негативные концепции о месте номадов в мировой истории.

В трудах классических европейских историков зона евразийских степей предстает провалом, «черным пятном» в мировой истории, лежащим вне «осевого времени» развития мировых цивилизаций. Один из них, создатель теории и истории цивилизаций А. Тойнби, говоря о кочевниках прямо писал: *«Время от времени они покидали свои земли и врывались во владения соседних оседлых цивили-*

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

лизаций ... несмотря на нерегулярные набеги, на оседлые цивилизации, временно включавшие в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории» (Гойнби, 1991, С. 186). Другие историки были не менее категоричны. Известный историк и один из создателей «Школы Анналов» французский историк Ф. Бродель прямо писал, что эти «варвары», *«которые и в самом деле опасны для цивилизаций, почти все относятся к одной разновидности людей: к кочевникам, лежащим в центре Старого Света пустынь и степей»*. Далее он, включив их «в состав человечества», прямо указывает их место в истории: *«В целом же речь идет об исключительном случае – случае длительного паразитизма, который, однако, безвозвратно миновал. Случае почти абсурдном, невзирая на его огромный резонанс»* (Бродель, 2006, С. 64, 67). Иными словами, в отношении к культурным и социальным возможностям населения Великих степей Евразии у многих ученых и философов, находившихся вольно или невольно в плену традиционных представлений, сложилось весьма негативное мнение.

Даже те современные исследователи, которые хотели бы отойти от прежних устойчивых стереотипов и наметить новые пути изучения «пасторальных номадов», тем не менее, уводят вопрос в сторону обсуждения истории взаимоотношений оседлых цивилизаций и их северных соседей, как «опасных» и «враждебных» (Barfield, 1989; De Cosmo, 2002). В определенной степени, это развитие прежних взглядов о вторичности «варварских» культур и зависимости периферийных народов от «осевого» времени цивилизаций. За «ось времен» в западной науке однозначно понимается путь, пройденный евро-американскими странами, а понимание термина «цивилизация», несмотря на массу свидетельств о многообразии культур и цивилизаций, сохраняется за исходной западноцентристской моделью. В последнее время идеи цивилизационного монизма, связанного с Западом, дополняются в трудах некоторых, более широко мыслящих западных ученых, концепциями превосходства оседло-земледельческого мира над варварской периферией.

В этом случае, как и в случае европейского монизма, отвергается, как в настоящем, так и в прошлом сущностное значение чего-

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

то незападного (или в мягком варианте, неоседлого, не городского), которое сводится к понятиям заимствования и культурной зависимости. В этом случае северная периферия, например, Китая сводится к тем же древним, как сам Китай представлениям о «северных варварах» и их неспособности существовать без помощи Поднебесной. Таким прихотливым образом соединяются, казалось бы, несоединимые и взаимоотталкивающие идеи – европо- и китаецентризма. Но удивительным образом они находят общую идею – отказ степной культуре быть чем-то более, нежели периферией цивилизационного мира.

Подобные взгляды, однако, не в состоянии объяснить, как многочисленные (особенно в сравнении с многолюдными оседлыми империями) и дикие (в общекультурном плане) кочевники не только раз за разом завоевывали оседлые страны, но и устанавливали над ними довольно прочное господство. Например, с 221 г. до н.э., когда в Китае возникла первая централизованная империя, до настоящего времени из 2 232 лет кочевники прямо правили Северным Китаем более 820 лет, причем из них 430 лет власть их распространялась на весь Китай. Учитывая, что в некоторые довольно продолжительные периоды сюнну, сяньби и тюрки заставляли китайских правителей выплачивать огромные военные контрибуции (т.е. осуществляли внешнее правление), то становится ясно, что время фактического господства северян на Китае достигает фактически половины срока истории его государства. Тюрки составляли основу военной гвардии багдадских халифов с середины VIII в., а с 962 г. Хорасан завоевали Газневидами, после которых Иран в 1055 г. захватили сельджуки, правившие до монгольского завоевания. Хулагуиды (1256–1353), а затем и другие тюркские династии, вплоть до Сефевидов и Каджаров владели Передней Азией до 1925 г. Таким образом, почти тысячу лет в Иране властвовали тюркские племена, которые и в новое время играли ведущую роль. Такая же картина наблюдается и в Индии, где тюркские племена образовали Делийский султанат (1206–1527), а позднее Тимуриды (Чингизиды) создали Империю Великих Моголов, которая владела Северным Индостаном вплоть до английского завоевания и свержения Бабуридов в 1857 г. Мамлюки татарско-черкесского происхождения

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

безраздельно владели Египтом в 1250–1517 гг., но позднее при формальном подчинении турецкому султану сохраняли привилегированное положение, закончившееся восстанием (1769), разгромом (1806) и массовым их истреблением (1811). Иными словами, с конца X в. тюркские династии властвовали почти безраздельно до монгольского завоевания и позднее в некоторых регионах до эпохи колониальных захватов (конец XVIII – середина XIX вв.).

В этой связи историки, которые смотрят на мир прошлого через «цивилизаторские очки» вынуждено признают, что в области военного дела кочевники превосходили оседлые государства, что, дескать, только доказывает их «дикость» и «варварство». Между тем, превосходство в военном деле не возникает из необузданной дикости. Оно представляет собой только самую верхушку айсберга, сложенного из достижений технологий, оружейного производства, комплектования и обучения войск, опыта применения передовых форм вооружения и тактики боя. Не говоря уже о высоком уровне социальной структуры общества и устойчивой духовной культуре, а также о влиянии степной моды на «развитых» соседей. Выходит, что по целому ряду позиций кочевники несколько не уступали, а часто и превосходили своих оседлые цивилизации.

Но дело не столько в превосходстве кочевых народов в области вооружения, что само по себе исторический парадокс, учитывая явное преимущество оседлых народов в численности, в технологиях и социальной организации, а в том, что согласиться с тем, что варвары однажды смогли завоевать цивилизацию можно, но то, что они это делали регулярно и на постоянной основе весьма трудно. Тут что-то одно: или цивилизация не настолько превосходила этих варваров, или мы имеем дело с двумя однопорядковыми культурными явлениями. Ведь главная проблема для какой-либо армии не победить врага и даже не завоевать его территорию, а организовать эффективное ее управление на сколько-нибудь длительный период. История знает немало примеров успешного выполнения первой задачи и провала второй: например, Дарий в Скифии, викинги в Англии, крестоносцы в Палестине, японцы эпохи сёгуната Хидэёси в Корее, Наполеон в Испании и т.д. Только, когда завоеватель может

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

установить эффективное управление завоеванной страной, его владычество может длиться многие и многие годы.

Судя по историческим фактам кочевые империи Великой степи умели не только покорять страны, но и выстраивать жизнеспособные социально-политические организмы. Подобное могло происходить, если они были достаточно гибкими, чтобы воспринимать достижения завоеванных стран, но в тоже время достаточно сплочены, чтобы сохранять свое этносоциальное, политическое и культурное единство. Веками успешно противостоять натиску оседлых цивилизаций в военно-техническом, культурном и религиозном могла только цивилизация адекватная по своим характеристикам. Используя метафору А. Тойнби, степная цивилизация исторически достаточно долго противопоставляла себя оседлому миру, давая адекватные ответы на «вызовы времени». Тогда как за это время многие великие империи и культуры рассеялись в прах. Такого бы просто не могло бы произойти, если бы кочевые скотоводы были дикими, невежественными и отсталыми людьми. В этом пренебрежительном отношении к кочевникам сквозит скорее непонимание и отторжение инаковости, а не научный анализ.

Неудивительно, что любой непредвзятый исследователь будет склоняться к мысли о более сложном взаимодействии культур и народов, нежели традиционная одномерная модель. Действительно, в последнее время эта оценка постепенно меняется, хотя и не так быстро. Одним из тех, кто прямо указал на ущербность и тупиковость прежних мифологем для науки был отечественный историк Л.Н. Гумилев, посвятивший свою жизнь изучению степных народов и очищению их истории от наслоений квазинаучных представлений. Преодолевая эти устойчивые заблуждения, он писал, что *«настало время поставить точки над і в вопросе о «неполноценности» степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир – только варварская периферия Европы»* (Гумилев, 2003, С.35). Согласно его взглядам, которые находят все больше сторонников и последователей степные народы создали особую цивилизацию, которую условно можно назвать «кочевой», поскольку речь все же идет о комплексном хозяйстве с ведущей ролью скотоводства. На основе этой системы хозяйства в

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

глубокой древности зародились особые социальные отношения и своя духовная культура, которые развивались вплоть до Нового времени.

Так ли вообще дик кочевник и так ли цивилизован земледелец? Учитывая, что долгие века земледелие носило характер не оседлой жизни, а формы хозяйствования, которое исследователи называют «кочевым земледелием» с постоянным освоением новых земель. Автор оригинальной теории развития культур Северной Евразии этнограф А.В. Головнев для обозначения всего комплекса культурных процессов использовал интересный термин – «антропология движения» (Головнев, 2009). По сути, он может считаться лейтмотивом и характеристикой всей цивилизации к северу от плодородного пояса Евразии. Говоря об издержках понимания смысла этой культуры, он пишет: *«В общественном сознании и науке цивилизованность прочно ассоциируется с оседлостью. В XX в. перевод кочевников на оседлость мыслился единственным средством их приобщения к высокой культуре. И сейчас слово «кочевник» опутано оттенками отсталости и инаковости. Трудно сказать, чьих заслуг в этом больше – самих кочевников или оседлых историков»* (Головнев, 2009, С.5). Далее он делает важный вывод о том, что всей культуре присущ динамизм и движение, а состояние статики – это только локальный и субъективный взгляд на процесс эволюции, огрубляющий его и рассматривающий как череду дисперсных состояний. На самом деле развитие мира происходит по законам синергетики, как процесс трансформации природы, человека и общества в условиях открытых и хаотично развивающихся систем. При этом мироощущение кочевника – это движущаяся картина мира, череда состояний и событий, а оседлого земледельца – круговорот, когда все меняется в строгой последовательности, но при этом ничего не меняется, по существу. Разница жизненных укладов вела к непониманию, а от нее к противостоянию, которое продолжается и теперь на страницах исторических трудов. Но так ли обосновано статическое мышление? В наш релятивистский век не следует ли признать за динамическим мышлением приоритет и, наконец, признать, что наши предки кочевые скотоводы были не так уж и примитивны, а их способность гибко реагировать на любые изменения и обеспечи-

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

вало им до определенного времени превосходство над соседями. Может быть, среди них было мало таких мыслителей, как Сенека или Спиноза, но точно гораздо больше практиков как Кулибин.

Быстро и хаотично меняющаяся действительность требовала не созерцательности, а быстрого и точного реагирования, что воспитывало совершенно иной стиль жизни и мышления. Если оседлые цивилизации не располагали к расширению границ и своих знаний о мире, часто впадая в состояния автаркии и прибегали к политике «закрытых дверей», как это было с Римской империей, Цинским Китаем и Японией, то для степных народов подобное было просто невыносимым. Их девизом было «движение все, цель – ничто». Соответственно, и сама степная цивилизация была совершенно иной, построенной на других принципах и нормах, нежели оседлая.

В современной науке существует большое количество различных определений и группировок цивилизаций. Все варианты несовершенны и подвергаются заслуженной критике. Само определение этого понятия настолько расплывчато, что иногда грешит излишней обобщенностью, а иногда строгой выборочностью критериев. Часто списки цивилизаций создаются без базовых критериев и составляются по разнообразным показателям: по условиям генезиса, по географическому признаку, по религии, по языку, по экономическо-технологическому принципу. Широкое и обобщенное определение цивилизации дает Е.Б. Черняк, рассматривающий ее как *«целостную саморазвивающуюся общественную систему, включающую в себя все социальные и несоциальные компоненты исторического процесса, всю совокупность созданных человеком материальных и духовных объектов»*, подчеркивая, что *«у современного обществоведения нет обоснованного критерия определения сущности цивилизации»* и поэтому стоит избегать всякого конкретизирующего ее определения (Черняк, 1996, С. 7–8).

Тем не менее, понятно, что цивилизованное общество должно состоять из целостной, но сложно организованной системы, состоящей из ряда подсистем: экономическая – производство продуктов питания и средств производства, организация потребления и перераспределения продукции, технологии, система коммуникации и т.д.; биосоциальная – все, что относится к существованию людей и

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

образу жизни – семья и родовые связи, добыча и/или производство продуктов питания и товаров, жилье и одежда, досуг и праздники т.д.; социально-политическая – слои и страты общества, власть и организация управления, обычаи и нормы, право и легитимация власти и т.д.; культурная – мифология и религия, этика и эстетика, нормы и правила взаимодействия людей, картина мира («Мы» и «Они»), политика и идеология. Все эти подсистемы взаимодействуя с природно-географической средой (экосистемой, «вмещающим ландшафтом»), где развивается то или иное общество создают локальную цивилизацию. Всем этим критериям отвечает степная культура с эпохи бронзы.

В принципе, подобная система может быть описана не только в расплывчатых, субъективных и релятивистских категориях постмодернизма, но и как синергетическая модель. В этом случае цивилизация сложно-динамической системы, которая предстает в виде одновременно и явления, и процесса, причем развитие ее происходит в виде последовательных фазовых переходов, которые подчиняются определенным управляющим и генерализующим параметрам. При этом данная сложно-динамическая система является нелинейной, открытой (незамкнутой), подвержена различным внешним и внутренним колебаниям, может быть нестабильной, а системы, ее составляющие могут быть как устойчивыми, так и хаотичными, одновременно она подвержена качественным, скачкообразным изменениям. Подобная система так называемого, «управляемого хаоса» лучше всего описывает ту сложно-динамическую систему организации общества, которую историки пытаются изучать с помощью понятия «цивилизации». Именно в таком концептуальном ключе и следует изучать степные народы, их культуру и государственность.

Но применить в полной мере подобную методику к изучению скотоводов Евразии довольно трудно. И дело не в том, что эти народы являлись примитивными. Как справедливо писал по этому поводу А. Тойнби: «описание примитивных обществ как «народов, у которых нет истории», ошибочно и свидетельствует прежде всего об ограниченности наших возможностей» (32, 89). Для изучения и реконструкции истории этих народов у нас, действительно, пока еще довольно мало сведений. Отсутствие письменных источников и

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрок:
цивилизационный подход

необходимость комплексного анализа не позволяют делать этот процесс быстрым и простым. Достаточно сказать, что в плане этнографическом степная цивилизация может описываться понятиями хозяйственно-культурный тип и историко-этнографическая область (см.: Левин, Чебоксаров, 1955, С. 3–17; Андрианов, 1968, С. 23–33; Андрианов, Чебоксаров, 1975, С. 15–26; Андрианов, 1985), а в плане археологии – археологической культурой (Массон, 1978; Арутюнов, 1985). При этом в историческом отношении мы имеем дело со сложным взаимодействием многообразных и противоречивых, разнонаправленных систем – экологических, хозяйственных, социально-сословных, культурно-религиозных, идеологических, этнополитических и государственных. Все они имеют свою специфику отражения в различных видах источников.

Основные параметры древней цивилизации востока евразийских степей является комплексное хозяйство с ведущей ролью скотоводства, причем собственно кочевым оно становилось только для отдельных групп населения и только в условиях неблагоприятных природно-географических и экологических факторов. Значительную роль в хозяйстве играла также охота, особенно сезонная облавная охота. Номадный (пастбищный) способ производства продуктов является специфическим вариантом природно-экологической и социокультурной адаптации степного населения в условиях аграрной стадии мировой цивилизации.

При любых условиях определенная группа степного населения всегда вела оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и ремеслами, в том числе добычей полезных ископаемых и металлургией. Места сосредоточения этого оседло-земледельческого и ремесленно-торгового люда в некоторые исторические эпохи разрастались до весьма крупных размеров, приобретая характер протогородов, как это было в период бронзового века. Интересно, что не только у индоевропейских, но и у тюркских народов была выработана своя (за редким исключением не китайская) лексика для обозначения культурных растений, агротехники, строительства и городской жизни), что свидетельствует, что народы, входившие в степную цивилизацию, прошли свой путь к оседло-земледельческой культуре не под влиянием более развитых соседей, а самостоятельно. Слож-

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

ный характер взаимных обменов продуктами питания и ремесленной продукцией вел к усложнению социальной структуры, появлению социально-сословного расслоения и формирования надобщинных органов власти. Однако в силу недостаточной источниковой базы довольно трудно характеризовать уровень сложности подобных объединений и степень их зрелости как государственных организмов.

Пространственные связи этой цивилизации обширны и простираются от Подунавья на западе до Приамурья на востоке, от лесной зоны на севере до территорий устойчивого земледелия и пустынь на юге. В свое время американский историк Э. Кинан образно назвал степи евразийскими морями, по которым ходили караваны, как будто торговые суда, прибывая в порты – города, расположенные на краю степи. Эта характеристика, хотя и живописна, но не совсем верна. Евразия являлась, если и морем, то не бескрайним океаном, а архипелагом тысячи островов. Все они имели заметные отличия друг от друга, но в то же время и огромное количество общих черт и традиций. Огромная пространственная протяженность делала степную цивилизацию чрезвычайно эластичной, способной к адаптации инородных включений и амальгамированию с различными элементами. Она обладала собственными социальными и культурными ритмами, которые не всегда совпадали с этапами развития окружающих стран. Представления, что развитие степных народов является калькой от культурного и политического развития оседлых стран (см.: Хазанов, 1975; Barfield, 1989; De Cosmo, 2002; Krader, 1963) восходят к представлениям о степных скотоводах, как о культурной периферии мировых цивилизаций. Создатели этой концепции отказывают степным народам в самостоятельности и видят в них лишь субъект истории, даже когда они ведут активную военно-политическую деятельность. Факты во многом противоречат этой теории, но к сожалению, подобное заблуждение преодолеть не так просто. Современные исследования свидетельствуют, что хозяйственная и социальная эволюция древних и средневековых скотоводческих обществ связана со многими, иногда просто непонятными и неизученными процессами – экологическими, природными, социальными и т.д.

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков: цивилизационный подход

Одновременно это была не стена, а проницаемая среда. Но тех пор пока европейцы не открыли морской путь вокруг Африки, степи являлись единственным и важнейшим транслятором культурных достижений и торговой магистралью, связывающей разные части Евразийского континента. По протяженным трансзиатским путям, самым знаменитым и важным из которых являлся великий Шелковый путь, перемещались различные товары, изделия и предметы. Возникновение его связано с движением тюркских народов, главным образом сюнну (хунну) на запад, вслед за которыми в Среднюю Азию проникли ханьские имперские войска. Здесь они фактически сошлись с парфянами и самыми восточными рубежами средиземноморской эллинистической цивилизации. В результате открылся торговый путь «от ромеев к серам», по которому перемещались рулоны шелка, фарфор, чай, пряности, серебряные изделия и другие товары. Кроме этого внутри Евразии издавна процветали другие торговые магистрали, такие как пути из Северного Причерноморья и Средней Азии в Приуралье и Западную Сибирь, по которым перемещались меха и пушнина, а в ответ поступало золото и серебро. Позднее в период средневековья все они объединились в единую сеть, став своеобразными кровеносными сосудами, несущими процветание во все регионы Евразии. По этим же путям двигались идеи, знания и технологии. Открытия, сделанные в одном конце мира, довольно быстро становились достоянием всего континента, как это было, например, со стрелами, порохом и фарфором.

Она вместе с тем была и серьезным барьером на пути продвижения различных завоевателей из стран оседлого мира. Один за другим рушились попытки подчинить себе степь со стороны персов, греков, арабов и китайцев. Усмирить степь удалось лишь в Новое время. Да и то только благодаря численному и техническому превосходству войск, а также помощи части самих кочевников. До этого времени кочевники иной раз и терпели жестокие поражения, но всегда брали реванш. Примером успешного противостояния натиску разных цивилизаций со стороны степняков могут служить успешные противостояния местных народов продвижению тохаров

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

на восток, войск Александра Македонского и его диадохов в Трансоксианию, две битвы на Таласе, когда сунну и арабы вместе с тюрками-чигилями остановили продвижение китайцев на запад. Тем самым Степь служила серьезным препятствием на пути любого завоевателя мира, в том числе из степного региона.

При этом нельзя рассматривать эту цивилизацию только через призму современных реалий (особенно в свете желания некоторых историков сверстать некую «казахстанскую цивилизацию») или религиозно-языковых критериев современного состояния Евразии (конструирование тюркской цивилизации). Представляется, что все эти цивилизации – тюрко-мусульманская, татарская, казахстанская и др. носят более конкретный, локальный характер по отношению к более общей и более концептуальной «степной цивилизации».

Степная цивилизация представляется в этом смысле не «черным» или «белым» пятном между велики цивилизациями, а полноправный участник, субъект мирового развития. В Центральной Азии степная цивилизация берет начало с периода окончательного формирования на обширных просторах степной зоны Северной Евразии производящего комплексного хозяйства, особенно после одомашнения крупного рогатого скота и лошади в 8–6 тыс. до н.э., что позволило повысить устойчивость населения степей к негативным природным явлениям и колебаниям климата (36; 37). Другим фактором, вызвавшим становление новой цивилизации стало овладение металлургией меди и бронзы, а с VIII в. до н.э. железа. Крупнейшими военно-технологическими открытиями стало изобретение двухосной повозки, а позднее ее модификаций от телеги до одноосной арбы и легкой двухколесной колесницы (1,5–1,3 тыс. до н.э.) резко повысило мобильность степняков и их способность к быстрым перемещениям и повысило их военную мощь. Еще более революционную роль в истории мира сыграло овладение техникой верховой езды (конец II – начала I тыс. до н.э.), что сразу же поставило Евразийские народы в более выгодные условия по сравнению с другими континентами. Достаточно сказать, что завоевание Америки было бы просто немислимо без этого открытия. Важными военно-техническими изобретениями степных народов были сложнос-

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

ставной лук (I тыс. до н.э.), стремян (III–V вв.), седло с жестким каркасом (III–V вв.) и сабля (VII вв.), что привело к усилению военной экспансии этой цивилизации.

В числе открытий этой цивилизации, ставящей ее в один ряд с другими великими культурами, является изобретение своих алфавитов (рунические системы письма, уйгурица). Особо следует подчеркнуть изобретение тюрками своего собственного письма на основе согдийского алфавита и собственных рунических знаков (26, 84–99; 39). Это культурное достижение тем более значительно, что оно представляет достижение собственной культуры тюрков. Вне всякого сомнения, они были к этому времени уже знакомы с различными системами письма – кхароштки, согдийским, китайской иероглификой, но смогли создать свою систему, которая распространилась по всей степной Евразии от Приамурья до Придунавья. Впервые тюркские народы получили возможность вести различные записи, а также донести до потомков свое видение мира и своего места в нем. Это выдающееся достижение, сделавшее тюркские народы одними из лидеров средневекового мира и сохранившее их идентичность в современном мире. Позднее руника была постепенно вытеснена арабским письмом, но это только указывает, что тюрки к тому времени были высокоразвитым народом, способным к освоению элементов чужой культуры без ущерба для базовых оснований своей.

Высокий уровень духовной культуры демонстрируют мифология степных народов (нартский эпос, эпосы тюркских народов – Алпамыш, Гэсэр, Деде Коркут, Огуз-наме, Маадай-Кара и др.). В религиозном отношении степные народы в целом и тюрки в частности создали весьма сложную, к сожалению, дошедшую до нас лишь частично, мифологическую систему. Достаточно указать на реконструкцию мифологии индоевропейских народов и скифов, демонстрирующую высокий уровень сложности картины мира и верований (см.: Дюмезиль, 1986; Раевский, 1977; Раевский, 1985; Бессонова, 1983). Эта модель мира тюркской культуры, получившая в литературе условное название «тенгрианство» имела как общие мифологические черты с другими мифологиями, так и соб-

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

ственное видение этого и потустороннего миров (Кляшторный, 1988, С. 166–167; Кляшторный, 1981, С.117–138; Кляшторный, 2000, С. 120–125; Кляшторный, 2003; Стеблева, 2007). Эта система верований сосуществовала с манихейством и буддизмом в тюркских и уйгурском каганатах, а позднее была адаптирована или вытеснена на периферию сознания исламом. Но остатки этих верований, превратившись в различные суеверия, не исчезали у тюркоязычных народов никогда.

Все эти культурно-технологические открытия, наряду с устойчивым производством продуктов питания и ремесленной продукции, создали базу для резкого ускорения социального развития и потестарно-политического развития в Центральной Азии, появления и развития у них сословно-кастовой (для древности) и социально-клановой системы. Причем степным народам удалось ранее, чем у целого ряда других периферийных народов создать свое государство, получившие в специальной исторической литературе название «кочевая империя». В период средних веков в некоторые исторические периоды степные народы создавали целый ряд мировых империй, самой громадной из которых стала держава Чингиз-хана, превосходившая своими размерами такие империи, как Римская, Македонская и Арабский халифат. Если же мы вспомним, что еще с глубиной древности северные народы (Туран), носители степной цивилизации совершали вторжения и переселения вглубь зоны передовых народов Азии – на Ближний Восток, Переднюю Азию, Индостан, то станет понятным, что культура их была постоянным и важным фактором роста мировых цивилизаций.

Неверным будет приписывать создание степной цивилизации только тюркоязычным народам. В истории этой цивилизации, очевидно, можно выделить несколько больших периодов, когда доминировали те или иные народы. В период бронзового и раннего железного века (середина II тыс. до н.э. – III в. до н.э.) доминировали индоиранские племена, двигавшиеся по степи с запада на восток и на юг. Считается, что само начало становления китайской цивилизации в определенной степени связано с культурным импульсом с северо-запада, когда в долине р. Хуанхэ появляются так называемые

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

мые «иньские бронзы» (Фань Вэнь-лань, 1958; Крюков и др., 1983; Васильев, 1976; Васильев, 1983; Варенов, 1996, С.24–27). Значение этих народов трудно переоценить, поскольку они были первыми племенами, вырвавшими весь степной регион из мрака дикости и заложивших основы степной цивилизации. К сожалению, древние иранско-тюркские связи еще только начинают проясняться, но и сейчас понятно, что их значение на начальном этапе становления собственно тюркской культуры было чрезвычайно важным. Именно от них, очевидно, тюрки заимствовали важные умения, навыки и культурные достижения, развивая и расширяя их. Постепенно тюрки усилились настолько, что начали уже свою экспансию на запад и на юг, постепенно вытесняя и ассимилируя иранские народы. В свою очередь в это движение и культурный народоворот были втянуты угорские (протомадьяры), монгольские (дунху, кидани, монголы и ойраты) и тунгусо-манчжурские (мохэ, чжурчжэни, маньчжуры) народы.

Рассуждая о становлении и росте различных цивилизаций следует отметить тот факт, что локальные культуры имели различные фазы роста и спада. Нет никакой регулярности в этих этапах и исследование А. Тойнби прекрасно это показало. Но некоторые бросающиеся в глаза различия мы можем подметить. Связаны они прежде всего с тем, где и как эти цивилизации развивались. Часть цивилизаций возникла и развивается в том же географическом регионе, в котором она и возникла. Самым ярким примером такого исторического опыта является Китай, возникший в междуречье рек Хуанхэ и Янцзы и связанный с культивированием риса и разведением свиней (см.: Крюков и др., 1978). Подобным типом хозяйствования определялись пределы распространения китайской цивилизации и ее влияния – там, где условия для этого отсутствовали, влияние Китая было sporadическим и поверхностным. Можно сказать, что это классический вариант оседлой культуры. Даже европейская христианская цивилизация постоянно меняла свой центр от средиземноморья на Балтику, а оттуда на побережье Атлантики. Пример других цивилизаций, которые перемещались на огромные расстояния, демонстрируют скотоводческие культуры. Например, древне-

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

иранская и индоарийская культуры, возникнув на Южном Урале, переместились далеко на юг до Передней Азии и Индостана.

Тюркские локальные цивилизации также весьма широко распространились на Старому Свету от Алтая и Ордоса до Малой Азии и Поволжья. Здесь мы имеем, очевидно, дело с особой социально-культурной ориентацией кочевой культуры к расширению своего ареала, высокая способность к адаптации и сохранению своих традиций в условиях инокультурного окружения, постепенной культурной ассимиляции местных народов. Осмысливая исторический путь этих народов, как и многих других древних цивилизаций, растет понимание, что становление и развитие цивилизаций не поддается такому простому объяснению их истории, которое было предложено А. Тойнби: они рождались, испытывали подъем, а затем гибли, не сумев ответить на вызовы времени. Под обаяние этой простой и, казалось бы, логичной схемы попал в определенной степени и Л.Н. Гумилев. Наблюдая коловращение исторического прошлого, действительно, есть соблазн впасть в такое простое объяснение. Но рассматривая реальную историю, понимаешь, что на деле все страны, народы и цивилизации постоянно развивались, менялись и трансформировались. Двигателем этого служили социальные изменения, а выражались они в культурных преобразованиях. Европейские государства средневековья мало походили на Римскую империю, но в некоторых базовых элементах (латынь, христианство, терминология, традиции архитектуры, военного дела и т.д.) они являлись прямыми наследниками средиземноморской цивилизации. Но и сама Римская империя, продолжая традиции республики, далеко ушла от ранней полисной культуры. Традиционное римское обращение государственных актов *Urbi et orbi* (буквально, «к городу (Риму) и к миру»), ставшее ныне названием торжественного папского благословения, можно перефразировать, что культура Позднего Рима была обращена не столько городу, сколько к миру.

Эволюция, когда тягучая, когда быстрое, спонтанное преобразование, – все это показатели живучей и живой культуры, способной к трансформации, при сохранении своего собственного «культурного кода». Изменения никогда и нигде не были произвольными.

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

Например, тюркские народы испробовали целый ряд религиозных систем, отталкиваясь от шаманизма и тенгрианства, от манихейства до буддизма, но закрепиться и широко распространиться в среде тюрков смог только ислам. Этому может быть много объяснений, но ясно одно – ислам отвечал тюркским традициям и оказался более способен к адаптации в тюркской среде, распространившись в их среде от Анатолии до Восточного Туркестана. При этом ислам не перестал быть исламом, а тюрки не превратились в арабов, как это пытаются сделать некоторые адепты салафизма. Тюрки сохранили не только ядро своей культуры и мировосприятия, но и, обогатившись, достижениями мусульманского мира, пережили невиданный Ренессанс, распространившись фактически по большей части Северной Евразии. Этот импульс был настолько силен, что смог придать энергию движения русской цивилизации, став для нее тем, чем были арабы в «темные века» для Европы. Однако по мере европеизации эта составляющая русской культуры была предана забвению. Но нам ясно, что русская культура постоянно трансформировалась от далеких былинных времен до Нового времени, разительно изменившись, но сохранив свою идентичность и свой «культурный код».

В этом смысле история возникновения, становления и развития тюркской (а точнее тюрко-мусульманская) цивилизация является интересным примером движения культур, расширения своего ареала и взаимодействия с другими цивилизациями. Зародившись в Центральной Азии, тюркская культура за период до середины XVI в. резко расширилась, в период наивысшего расширения, занимая территорию от берегов Дуная до Амура и от Ближнего Востока до Прикамья и Западной Сибири. Поволжье в этой системе тюрко-мусульманских культур занимало центральное положение, что сказалось на ее особенностях. Например, поволжский тюрки (старотатарский) является исходным для ряда литературных языков – кумыкского, казахского, узбекского и башкирского, а сам татарский язык занимает срединное положение по составу лексики в системе тюркских языков. Высокая способность к адаптации и взаимодействию продемонстрировала татарская культура в период Нового времени, когда значительная территория Северной Евразии вошла в

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

состав Российского государства. Можно сказать, что в определенном смысле российская цивилизация наряду с византийско-христианскими истоками, имеет значительный вклад татарской цивилизации. Вполне очевидно, что практически все особенности российской культуры имеют евразийские (в первую очередь татарские) основания.

Степную цивилизацию на мировой цивилизационной карте можно представить в виде каменного кургана, который высится между китайской пагодой и средиземноморским храмом с колоннадой. Эта культура со своими навыками и умениями, своими способами адаптации к природной среде и освоению мира мифологическим сознанием. В целом это была практичная и культура, которая могла быть сходной на огромном протяжении степей, что иногда вводило в заблуждение наблюдателей из остального мира, кажущейся простотой и примитивностью. Важным отличием одних народов и их культур от других было отношение к смерти и потустороннему миру. Перефразируя слова драматурга Б. Шоу, можно сказать, что жизнь степняков равняла всех и только смерть показывала, к какому народу они принадлежали». Это несколько преувеличенная характеристика в тоже время является нашим взглядом на прошлое степи через призму археологических источников. За редким исключением кочевники не оставили письменных свидетельств о своей жизни, артефакты в подавляющем большинстве случаев дошли до нас в разрозненном и агрегированном состоянии, поэтому пышная одежда, сложные церемонии, многолюдные праздники достигли нас только в виде отдельных фрагментов. Но это не значит, что этого не было и не повод игнорировать само их существование. Степная цивилизация в целом являются важнейшей частью мировой культуры, часто определявшей в прошлом судьбы мира.

Какое же место в этой системе занимала локальная татарская цивилизация? Ответ на этот вопрос содержит не только фактологическую часть, но и наиболее общее концептуальное понимание, философское осмысление всей татарской истории, представление о ней в самом общем сжатом виде. «Культурный код» татар имел тесные связи с индоиранским культурным миром, а исторический

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

фон возникновения и развития тюркских народов с глубокой древности протекал в тесном взаимодействии внутри степной цивилизации с иранскими народами, а на юге с формирующейся китайской цивилизацией. Это вовлеченное, но и пограничное положение позволило им не только сохранить свои традиции, но и обогатиться целым рядом новых элементов, создав свою особую парадигму культурного развития. Находясь в тесном взаимодействии с тюркскими каганатами, татары многое переняли от них, хотя постоянно конфликтовали. В X–XII вв. наступил резкий взлет татарской государственности, своеобразный период «великодержавия», когда они пережили стали играть роль этнополитической основы тюркской цивилизации Центральной Азии. В период завоеваний Чингиз-хана и его потомков татары были сметены волной завоеваний, но не канули в лету. В силу традиций государственности, татары заняли ведущее положение при дворах Чингизидов, а в Улусе Джучи стали доминировать, как этносоциальная элита общества. После принятия ислама и его широкого распространения в тюркской среде произошел симбиоз двух цивилизаций, что вызвало резкий культурный подъем. Произошла определенная трансформация традиционной тюркской культуры в татаро-мусульманскую. В дальнейшем развитие этой цивилизации переживало то всплески роста, то падения в результате природно-экологических и военно-политических событий, но при этом основные базовые параметры, культурное ядро (то, что в постмодернистской традиции называется английским термином *паттерн*) при всех внешних социально-политических переменных оставалось неизменным и являясь основой ментальных структур большой длительности. Новый всплеск культурных трансформаций связан уже с влиянием европейской модернизации и становлением нации, а также национальной культуры на основе комплекса ранних традиций. Гибкость, лабильность и, главное, способность к серьезным изменениям вывело татар в число современных урбанизированных наций, способствовало укреплению национальной идентичности, что позволило ей пережить все суровые катаклизмы двадцатого века.

ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков:
цивилизационный подход

Немногие локальные цивилизации смогли сохранить свою самостоятельность и своеобразие в условиях динамично меняющегося мира, модернизации и глобализации, стирающей цивилизационные и культурные границы. Но тюрко-мусульманской (как и ее части татарской) цивилизации это удастся. Пройдя длительный период развития и адаптации, через подъемы и спады, тюркская культура демонстрирует способность к внешней модернизации при сохранении своего культурного ядра и национально-культурных идентичностей. Истоки всех этих процессов кроются в глубоком прошлом, когда тюрки взаимодействовали с великими цивилизациями – арийской и китайской и более тысячелетней историей становления и развития.

ОЧЕРК II

Города и городская культура тюрков: период становления

Степь и процессы урбанизации: метафора «пустоцвета» в ориенталистических исследованиях. Города и урбанистическая цивилизация являются важным фактором развития культуры народов Центральной Азии с глубокой древности. Появление городов стало важным этапом в движении стран «второго мира» к цивилизации, своего рода качественным скачком в эволюции общества и его культуры. Основные параметры древней цивилизации евразийских степей является комплексное хозяйство с ведущей ролью скотоводства, но при любых условиях определенная группа степного населения всегда занимаясь земледелием и ремеслами, в том числе добычей полезных ископаемых и металлургией. Важный сдвиг в эволюции степных обществ произошел в начале I тыс. до н.э., когда произошла резкая аридизация степей Северной Евразии и скотоводам пришлось увеличить свою мобильность и увеличить специализацию скотоводства. С этого момента они стали зависеть от обмена продуктами с оседло-земледельческими обществами и вступать с ними в торговые контакты и конфликты (Савинов, 1978, С.128–145).

В определенный момент накопленные ресурсы, общественные отношения и военно-политические причины вели к образованию потестарно-политических организмов. Важной функцией этих объединений было взаимодействие с земледельческим миром. Исторические факты свидетельствуют о том, что империи Великой степи умели не только покорять страны, но и выстраивать взаимовыгодные отношения с миром цивилизаций. По мере расширения этих контактов росло стремление инкорпорировать в степную среду некоторые функции оседлых поселений (Камолиддин, 2004, С.355–

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

364; Легран, 2004, С.331–336). Можно совершенно четко указать, что образование государств в степной зоне рано или поздно вело к появлению городов и их округи. Места сосредоточения оседло-земледельческого и ремесленно-торгового кластера в разные исторические эпохи и в разных регионах степной Евразии имели различные формы, размеры и значение. Но неизменным было увеличение роли и значения городов и связанной с ней инфраструктуры в жизнь средневековой Евразии.

При наличии серьезного осмысления вопросов методологии цивилизационного подхода, его эвристические возможности по отношению к конкретным регионам и культурно-историческим общностям остаются недостаточно разработанными. Одной из таких проблем является прошлое кочевых скотоводческих народов степей Северной Евразии и их взаимодействие с оседлой цивилизации. Интерес к этой теме для отечественной историографии вызван тем, что сама история России – это история с одной стороны мира цивилизационного Запада, а с другой – кочевых народов Евразии, а метафора взаимодействия Леса и Степи является одной важнейших для отечественной и мировой историографии (см.: Khazanov, 1983; Golden, 1987–1991, pp.41–82; Легран, 2004, С.331–336; Хазанов, 2008, С.418–430; Крадин, 2007, С.86–94; Golden, 1987–1991, pp.41–82).

Долгое время история взаимодействия средневековых оседлых государств Евразии с кочевыми народами понималась в дихотомии противостояния. Представления о застойности и отсталости социальных институтов и культуры вместе с эволюционистскими идеями вызвали к жизни негативные концепции о месте номадов в мировой истории.

Подобные взгляды, однако, не в состоянии объяснить, как многочисленные (особенно в сравнении с многолюдными оседлыми империями) и так называемые «дикие» (в общекультурном плане) кочевники не только раз за разом завоевывали оседлые страны, но и устанавливали над ними довольно прочное господство и создавать устойчивые государственные образования. Подобное могло происходить, если они были достаточно гибкими, чтобы воспринимать достижения завоеванных стран, но в тоже время достаточно сплю-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

чены, чтобы сохранять свое этносоциальное, политическое и культурное единство.

Не отрицая самого факта способности степных народов создавать государства, многие поколения историков, однако, предпочитали видеть в этом лишь очередную победу первобытной периферии над цивилизованным миром. Степень оценки этой «дикости» и «варварства» зависели от эпохи, исторической традиции и субъективных взглядов историка, но неизменно подчеркивалось, что мир «второго» мира был враждебной и «опасной границей». При этом европейские (как и в целом историки «цивилизованного» мира) предпочитали не замечать, что часто действия варваров были ответом на экспансию оседлых государств, стремящихся занять и освоить «дикие степи», казавшиеся им пустыми и безлюдными. Урбанизация в степи стала закономерной жертвой подобного «ориенталистского» подхода к истории кочевых народов.

Возникновение городов и уранистической культуры стало важным этапом на пути степных народов к цивилизации, но историки долгое время предпочитали не замечать этого прорыва. Во-первых, потому, что он противоречил их априорным представлениям о «варварстве» кочевников, весь жизненный цикл которых был направлен на кочевание, прерываемое набегами на мирных земледельцев (см.: Гумилев, 1960, С.63–100). Во-вторых, историки и археологи долгое время увлекались изучением ярких и выразительных погребальных памятников, а изучение поселений, не дававшее подобного материала и требовавшее длительных скрупулезных исследований, долгое время оставалось вне научного мейнстрима. Все создало достаточно превратное представление об эволюции степных обществ.

Ярким примером такого подхода является фраза советского археолога С.В. Киселева, положившего начало археологическому изучению Южной Сибири и Монголии: «Не только немногочисленные эфемерные столицы уйгуров, монголов и более поздних властителей Монголии, но и обычная городская жизнь была, очевидно, важнейшей особенностью хозяйственного и политического развития этой части Центральной Азии» (Киселев, 1947, С. 370). Как археолог он не мог не видеть развалин огромных городов, не признать

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок: период становления

их «важнейшей особенностью хозяйственного и политического развития», но как советский ученый вынужден был подчеркивать «эфемерность» изучаемых памятников, поскольку такова была политическая установка. Но, «можно ли считать эфемерным огромный город» (Кляшторный, 2010, С.277).

Находясь в плену традиции, исследователи загоняли реальный исторический материал в прокрустово ложе своих шаблонных представлений. Такой подход характерен, например, для определенной части западной ориенталистики. Так, американский историк Т. Барфильд цитирует описания великолепных городов уйгуров, которые давались их современниками, в частности Орду-Балык (Харбалгасун), но при этом делает неожиданный вывод: «часто высказывалось мнение, что уйгуры были оседлым народом. Однако похоже, что это не так. ... Скорее всего города такого рода строились по приказу сверху и функционировали в качестве центра по сбору налогов и дани. Уйгуры вымогали огромные количества шелка и других даров из Китая, и требовалось определенное место, где можно было бы хранить эти богатства, принимать купцов и решать судебные дела. ... Интенсивное сельскохозяйственное производство, налаженное в окрестностях городов, было вторичным явлением. Оно обеспечивало продуктами питания жителей столицы и поддерживалось за счет международной торговли. Города подобного типа, расположенные в глубине Монголии, могли не зависеть в своем развитии от местных ресурсов. Как и сама имперская конфедерация, они возникли в результате эксплуатации экономики Китая. Это были цветки растения, корни которого находились в Чанъани» (Барфильд, 2009, С.129–130).

Но если кто-то думает, что эта метафора с отождествлением городов с нежным цветком, случайно и вопреки природе, родившимся в голой каменистой степи, то он ошибется. Если кто-то думает, что на подобные метафоры падок только американский историк из штата Джорджия, то он второй раз ошибется. Вот, что писал о городах Золотой Орды московский археолог всю свою жизнь, посвятивший изучению этих памятников: назвал Золотую Орду «паразитическим государством» и «отрицательно» оценивал ее роль в истории, а поволжские города и их культура была создана руками

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок:
период становления

покоренных народов и «оказалась недолговечной, ибо не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого лежали кочевые степи». Он прямо приводит ту же метафору, что и его зарубежный коллега, никогда не проводивший раскопки в степях Евразии: «Торгово-ремесленные центры – золотоордынские города зависели во многом от сильной ханской власти и не смогли существовать сами по себе, без ее поддержки в разорванном междоусобицами государстве ... Золотоордынские города были своего рода историческим пустоцветом. Они не дали никакого продолжения своей культуры, своей цивилизации. Они выросли среди степей, их снова захлестнула кочевая степь, затопила кочевая стихия с совершенно другой экономикой и культурой. Золотоордынские города не были органическим продуктом развития экономики Нижнего Поволжья, как города Руси или Западной Европы, которые выросли в результате длительного экономического развития как центры сосредоточения торговли и ремесла, имели связи со своим окружением и потому оказались исторически более устойчивыми. У русских и западноевропейских городов была история. ... Золотоордынские города не имели истории. Они возникли в результате политики золотоордынской власти. Она их поддерживала. Пока власть эта была сильна, она обеспечивала мир на дорогах для торговцев и постоянный приток подневольных мастеров из покоренных стран для развития ремесла. В эти годы города Золотой Орды процветали. Как только власть обнаружила признаки упадка, города начинали хиреть. ... Достаточно было военного поражения, чтобы эти города угасли и чтобы вскоре от них остались лишь воспоминания» (Федоров-Давыдов, 1968, С.149–150).

Иными словами, метафора «пустоцвета» для описания возникновения и существования «эфмерных» степных городов не случайна. Если ее придерживаются совершенно разные историки и по образованию, и по исследовательским навыкам, и по своим практическим исследованиям, то это важный знак необходимости изучения этой темы в историческом контексте.

В отечественной науке степные города изучались археологами и историками достаточно давно, но в силу многих причин эти исследования были дискретными и не смогли повлиять на изменение

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

ситуации. Среди других работ следует выделить небольшой, но емкий труд Л.Р. Кызласова, где он подверг критике взгляды, которые «...относятся к разряду явных и нередко преднамеренных искажений, которые позволяли историкам упускать из сферы научных интересов многие бесспорные факты о существовании самобытных городов у коренного населения Сибири» (Кызласов, 1993, С.7). Всю это с полным основанием можно отнести к изучению городов всей степной Евразии. Давление исторических концепций, восходящих еще к эпохе античности и к теориям ориентализма.

Между тем, в трудах И.Л. Кызласова, а также других археологов и историков (М.И. Артамонов, С.В. Киселев, А.Н. Бернштам, А.В. Давыдова, Д.Г. Савинов и др.) не только описывались результаты исследования городов в Центральной Азии, но и делались попытки встроить их в новую историю степных обществ и государств. Стремление показать, что урбанзация – это естественный процесс развития обществ Центральной Азии стало новым и важным тезисом в новейших трудах (Данилов, 2004; Камолиддин, 2004, С.354–374; Каримова, 2004, С.374–384; Боталов, 2009, С.13–19; Данилов и др., 2016, С.74–93; Крадин, 2007; Крадин, 2018, С.7–23; Крадин, 2021).

Город и его критерии: история и археология. В науке давно идет дискуссия о критериях определения города. Все эти дискуссии вращаются вокруг двух взаимосвязанных, но не взаимообусловленных вопросов. С одной стороны, исследователи концентрируют внимание на причинах возникновения древнейшего города и его особенностей, а с другой, – пытаются найти универсальные критерии для определения города как функционирующей системы. Оба подхода важны для понимания города, его возникновения, эволюции и локальных особенностей. Первое направление достаточно хорошо представлено в историко-археологической литературе в последние полвека, как в практическом, так и в теоретическом отношении (см.: Чайльд, 1949; Массон, 1976, С.125–148; Гуляев, 1979, С.74–128, 233–247; Сайко, 1991, С.11–82; Сайко, 1996). Благодаря этим трудам можно сказать, что возникновение городов было достаточно длительным процессом, однако, после появления первых городов, как объединения нескольких сельских поселений, они ста-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

ли развиваться и быстро распространяться по всему плодородному полумесью Ближнего и Переднего Востока, а затем они появляются в долины Нила, Инда и Хуанхэ. Все более усложняясь как по формам и структуре, так и по способам генезиса. Наряду с «естественным» (или стихийным) возникновением, появляются города, основанные по декретам и указаниям правителей.

Относительно выработки общего представления о городе есть весьма серьезные трудности. Основоположник современной теории урбанистики М. Вебер одним из первых попытался понять, как из пересечения политических, экономических и военных функций возникает такое принципиально новое социальное явление, как город (Вебер, 2017). Он считал, что исторически город сложен и многообразен и современные критерии вряд ли будут применимы к ранним типам городов. По его мнению, «определения «города» могут быть самыми различными по своему характеру. Общее для них всех только одно: то, что город представляет собой замкнутое (во всяком случае, относительно) поселение, «населенный пункт», а не одно или несколько отдельно расположенных жилищ» (Вебер, 2017, С.9). Его мысль была позднее развита в других работах теоретиков урбанизации: «В разных странах и в разные времена представление о том, что считать городом, менялось. Если город всегда противопоставлялся сельской местности, то само противопоставление в разные эпохи приобретало разный смысл. Каждой форме цивилизации соответствует свое понятие города... Некоторые даже самые прославленные города древности, населенные в основном земледельцами, мы, несомненно, не могли бы причислить к разряду городских поселений, если бы подошли к ним с меркой XX века...» (Боже-Гарнье, Шабо, 1967, С.36). Это совершенно справедливое указание, тем не менее, не останавливает желания дать какое-то универсальное определение понятию «город» и выявить его критерии.

В свое время этот вопрос был глубоко изучен теоретиком и практиком археологии Г. Чайльдом, который выделил несколько основных признаков города: населенность; качество этого населения, включающего в себя управляющих, жрецов и ремесленников, которые жили за счет излишков произведенных продуктов; мону-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

ментальные общественные здания (храмы, дворцы); письменность; новое сложное искусство; регулярная внешняя торговля на значительные расстояния; государственная организация (Childe, 1950, р. 9, 11–16). В другой работе он подчеркивал, что «Термин *цивилизованный*, в соответствии с этимологией этого слова, применяется к людям, живущим в городах; и город должен не только обладать определенной величиной, но также служить местом сосредоточения по крайней мере значительного меньшинства людей, извлекающих средства к существованию не непосредственно из охоты, рыболовства или сельского хозяйства, а из ремесла, торговли и других занятий. ... В решении вопроса о том, когда количественный рост населения и увеличение числа ремесленников и торговцев породили качественно новое образование – город, хорошим мерилom является письменность (Чайльд, 1949, С.29–32). В целом, это определение города через его археологические признаки достаточно продуктивно и активно используется специалистами с некоторыми дополнениями и коррективами. Например, наличие укреплений является важнейшим признаком города (в славянских языках этот факт наиболее четко связан – *град / ограда*), что особенно важно и характерно для Северной Евразии, где наличие укреплений было практически непременным условием существования городских центров.

Иными словами, для определения большого поселения как города важны наличие укреплений всей заселенной площадки или ее части (или частей), находок атрибутов власти и собственности (дворцы, печати, тамги, стелы с надписями), предметов роскоши (украшения из драгоценных металлов и камней, вещи иноземного происхождения), оружие и элементы воинской культуры, храмы и/или монументальные сооружения религиозного характера (ступы, стелы, мавзолеи и т.д.) и элитарные атрибуты религиозных культов, памятники письменности, сооружения водоснабжения и канализации (колодцы, каналы, искусственные водоемы и т.д.), производственные комплексы и торговые инструменты и помещения (рынки, караван-сарай, торговые пломбы, весы и разновесы и т.д.) (Куза, 1989, С.49–70).

Применительно к городам Центральной Азии не все эти критерии применимы не в полной мере. Многие города не имели значи-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок: период становления

мых (или сохранившихся) укреплений, а часть не была в пределах укреплений центрами ремесленного производства. В силу самого возведения городов по приказу правителя, именно административно-управленческий комплекс играл важную роль особенно на начальном этапе урбанизма в степях Евразии, поэтому непременным атрибутом раннего степного города была ставка или дворец правителя с монументальными постройками и их деталями. Другим важным элементом раннего города было наличие храма или погребально-поминального комплекса прежних правителей, которые по размерам, планировке и отделке часто превосходили ставки настоящих властителей державы. Важной деталью этих построек были элементы иноземного происхождения, свидетельствующие о развитых дипломатических и торговых связях с цивилизационным миром (Данилов, 2004, С.166–189; Киданьский город..., 2011, С.159–167; Крадин, 2018, С.7–23; Крадин, 2021, С.149–183).

Не менее важно определение города с точки зрения функционального подхода. Начал разрабатывать такой подход к истории города еще М. Вебер, который подчеркивал, что город является обособленным от сельской округи поселением, концентрацией целого ряда специфических функций и социальных явлений, который он очень удачно назвал «сплавом крепости и рынка» (Вебер, 2017, С.29–34) – с одной стороны, это крепость – явление, созданное как средоточие политической властью и утверждение военной мощи, а с другой – место специализированных производств и обмена различными товарами. В социальном плане эта метафора М. Вебера концентрирует внимание на сословную иерархию и деление населения на страты, которые являются отражением уровня развития государства и в мультиплицированном виде проецируется на статус разных групп горожан (Вебер, 2017, С.93–144). На концентрацию населения, как демографическую, социальную и культурную, в сравнительно узких и ограниченных границах указывают также другие теоретики урбанистики (Вирт, 2016, С.7–47).

В западной науке в этом смысле подчеркивается, что город «является единицей поселения, которая осуществляет специализированные функции по отношению к более широкой округе» (Trigger, 1972, p.577), концентрируя внимание на центральное по-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок: период становления

ложение города по отношению к окружающим поселениям и самому населению в административном, хозяйственном и религиозном смысле. В отечественной науке преобладает социально-экономический подход, который наиболее ярко был сформулирован О.Г. Большаковым и А.Л. Якобсоном, определявшими «город, как населенный пункт, основной функцией которой является концентрация и перераспределение прибавочного продукта» в самом широком смысле (Большаков, Якобсон, 1983. С.32–45; Большаков, 1984, С.10–11). Представляется, что это слишком экономический взгляд на проблему, не учитывающий, что города играли важнейшую административно-управленческую и культурно-религиозную роль.

Иными словами, средневековые города – это многослойное явление в истории, которое оказало огромное влияние на хозяйство, цивилизацию и идеологию государств.

Город в степных обществах Северной Евразии: природа и общество. Развитие городов и городской инфраструктуры в Северной Евразии, как и во всем мире было тесно связано с социально-политическим и экономическим развитием общества. При этом все эти факторы роста и укрепления процессов урбанизации в обществе или их упадка были также универсальны и не представляли собой какую-то особую специфику для зоны степей. Нет сомнений, что все города мира от глубокой древности вплоть до нашего времени самым тесным образом связаны с государством, а затем и с интенсивностью роста экономики, торговли и инфраструктуры (Данилов, 2004, С.167; Боталов, 2009, С.13–14; Крадин, 2021, С.149–183). Между этими факторами есть прямая зависимость – по мере роста и укрепления государства, возрастает интенсивность производства и товарообмен, развиваются города. Можно сказать, что для государств в зените развития характерны большие города, инфраструктура и поселенческая сеть, связывающая их между собой. Города для этих обществ, если речь идет об исчезнувших цивилизациях, представлены в виде величественных развалин, изучение которых позволяет представить масштаб их политической, культурной и экономической мощи.

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

В условиях упадка государственности и экономической жизни города испытывают серьезные сложности, распадаются и постепенно руризуются. Характерный пример Рим, который представлял многомиллионный мегаполис в эпоху империи, но который в «темные века» превратился в разбросанные на обширной территории монастыри, замки и сельские поселения. Такой же путь прошли практически все античные города от Лютеции до Лондона, от Кельна до Равенны. Иногда города теряли свое значение после гибели, создавшего его государства, и исчезали. Как это случилось с грандиозной столицей Сасанидского Ирана Ктесифоном, который пришел в упадок после арабского завоевания, а окончательно исчез после возникновения Багдада. Такие же пертурбации с городами происходили и на Руси, где изначально две столицы Новгород и Киев были самыми значительными городами, но с потерей столичного статуса стали терять свое население, хозяйственные связи и пришли в упадок. В то время как небольшая княжеская крепость Москва с обретением столичного значения оставила далеко позади Владимир и Суздаль, а потом и другие княжеские центры. Такую же динамику можно увидеть практически по всему миру. Поэтому в тесной связи города с государственной властью нет ничего удивительного и экстраординарного. Это обычная ситуация во всей мировой истории. Объявлять в связи с этим, что степные города, возникшие по повелению правителей, являются какими-то ущербными по сравнению с китайскими и ближневосточными, значит не понимать динамики исторических процессов в периферийных регионах зоны цивилизаций.

Очевидно, что кроме сильной центральной власти для устойчивого развития города необходимо сочетание и целого ряда других факторов – удобное расположение, доступ к ресурсам и наличие развитой округи. Города, как и общества развиваются и распадаются под воздействием множества факторов. Вопрос, почему одни общества выживают, а другие умирают, является одним из самых важных и увлекательных в мировой науке, начиная от многотомного классического труда Э. Гиббона (2001) до современного мирового научно-популярного бестселлера Д. Даймонда (2010). Города, являясь продуктом той или иной цивилизации расцветали и гибли

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок: период становления

вместе с ними. И это никоим образом не говорит, что само создание городов естественным путем или декретивным было ущербным. В такой логике город Рим после краха империи и ее цивилизации можно назвать «пустоцветом». Иными словами, города развивались вместе с создавшими их обществами (неважно «естественным» или декретивным путем) и гибли вместе с ними, вне зависимости, в Заполярье, в лесу, в джунглях или степи они существовали. Никакой фатальной предопределенности гибели этих городов не было. Как не были «пустоцветами» города майя или города Мономотапы в Южной Африке.

Особо следует сказать о таком способе становления и развития городов, как участие в мировой торговле. Причем речь идет не только о Великом Шелковом пути, но и Великом Волжском пути, оказавшем определяющее влияние на возникновение городской инфраструктуры в Поволжье. Очевидно, что образование этих торговых магистралей сыграло важнейшую роль в движении Северной Евразии к цивилизации, в первую очередь в распространении государственности и урбанизации в страны, затронутые этими потоками товаров и ценностей. По справедливому замечанию историка Шелкового пути это был не просто маршрут торговых караванов, а целая инфраструктура, где «паутина разных общин, переплетаясь, формирует сложный мир, в котором вкусы и идеи определяются продуктами и художественными концептами и распространяются на тысячи миль» (Франкопан, 2019, С.51).

Выгоды от регулярной торговли извлекали все участники от Китая и стран Южных морей до Средиземноморья, включая города от Дуньхуана до Итиля и от Лояна до Пальмиры. Важную роль в этих процессах сыграли кочевые народы, способствуя перемещению караванов на далекие расстояния, минуя политические границы, военные конфликты и таможенные сборы в мире цивилизованных стран. Именно степные пространства и люди, жившие на эти бескрайних равнинах, обеспечили перемещение грузов в обход всех этих обстоятельств на длинные расстояния, придав магистральной торговле в Евразии новый импульс (см.: Khazanov, 2019, p. 85–93). Участие в мировой торговле гораздо сильнее, чем все завоевания стран «первого мира» способствовали развитию

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок:
период становления

социальных институтов в степных обществах и становлению городской инфраструктуры.

Но это был поистине жестокий мир и совсем недавно процветающие города могли быть в силу многих причин выбиты из этой логистической цепочки и потерять не только свое значение, но и просто исчезнуть, стать мертвым напоминанием о былом величии. Именно такой путь прошли некогда процветающие города Ближнего Востока – Пальмира, Петра или Дура (Дура-Эвропос). От некогда великой столицы, бросавшей вызов самому Риму, Пальмира превратилась в провинциальный центр, а потом и вовсе была погребена под песках забвения. Это было связано не только с военными действиями разных империй, но и всплесками и спадами в торговле, изменениями торговых магистралей, которые поднимали одни города и обрекали на упадок другие. Российский историк М.И. Ростовцев довольно удачно назвали этот феномен «караванными городами», подчеркивая их глубинную связь с мировой торговлей, перипетии которой прямо отразились на их судьбе. Но подобные караванные города были характерны и для Центральной Азии – Монголии, Семиречья, Приаралья и Нижнего Поволжья. Они возникали, процветали и гибли в зависимости от торговой конъюнктуры, влияние которой было даже большим, чем власть империй. Именно поэтому удачно расположенные города успешно переживали войны и завоевания, а другие – пропадали с исторической сцены.

Города и структура урбанизации в Северной Евразии: периодизация и локальная история.

Возникновение городов является закономерным и естественным процессом для кочевого и оседлого населения степей Средней Евразии на определенном этапе истории. Явно, что начальный его этап связан с возникновением первой централизованной державы Хунну. Но городская сеть только возникала и после гибели государства исчезла. Новый этап в развитии городов произошел во времена тюркских империй. Активно стала развиваться система городов по мере расширения Великого Шелкового пути на запад. Становление этой трансевропейской торговой магистрали и воз-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

никновение государств – наследников Тюркского каганата в Восточной Европе привело к активному возникновению городов.

Всю историю средневековой урбанизации степной зоны Евразии в этой связи можно разделить на несколько этапов – протогородской (*II до н.э. – VI в.*) и раннегородской (*VI в. – X в.*). Это была эпоха, когда периферийные народы стали активно взаимодействовать с миром цивилизации и воспринимать многие его атрибуты, подражая им, адаптируя под свои нужды и возможности. Возникновение потестарно-политических организмов и установление между ними иерархии властвования привело к концентрации части населения в центрах принятия политических и административных решений. Возникли города, как ставки правителей и их военных дружин, с почитаемыми святилищами или поминальными храмами, рядом селились земледельцы и ремесленники, обслуживающие это поселение. Именно такой путь прошла Западная Европа в «темные века» в регионах, где не было античных традиций (см.: Сванидзе, 1999, С.19–24).

1. Протогородской этап (II до н.э. – VI в.).

Вместе с развитием политических институтов власти, в степной Евразии уже с хуннской эпохи шли процессы урбанизации. Важнейшим фактором становления городов и оседлости в евразийских степях являлась военно-политическая стабильность. При ее сохранении на достаточно длительный срок неизменно возникают города, зоны земледелия и ремесленные центры. Становление городской культуры является результатом включения в процессы мировой торговли, соединившей регионы евразийского континента. Городская цивилизация идет вслед за установлением инфраструктуры торговых путей и непосредственно связано с ними.

Города хунну описываются в китайских источниках письменных, как «оуто» – города-ставки; в них сохранились названия ряда городов хунну – «Город дракона», «Стоянка дракона», «Храм драконов». При взятии полководцем Вэй Цином в 129 г. до н.э. ставки и места святилища хунну Лунчэна («Городище дракона») было захвачено в плен «убив и взяв в плен несколько сотен [сюнну] (Сыма Цянь, 2010, С.28). Упоминается о нескольких тысячах пленных, за-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

хваченных после падения других городов хунну. В других случаях указывается, что города хунну были обнесены стенами, а в городе Чжаосинчен хранились запасы зерна (Таскин, 1968, С.91; Таскин, 1973, С.137, прим.19). Вместе с тем, другие источники, в частности Сыма Цянь, в главе о хунну подчеркивал, что «у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами» (Таскин, 1968, С.34). Кроме того, что эти противоречивые описания могли зависеть от источника информации, нельзя исключать и постепенной эволюции градостроительства у хунну. По мере развития государства, города начинают играть не только роль ставок, видимо, часто при погребально-поминальных комплексах шаньюев, выполняя государственно-административные функции, но также центров ремесла и земледельческой округи, концентрируя государственные запасы продовольствия.

Археологические исследования подтвердили существование у хунну постоянных укреплений городов. Всего в настоящее время известно о примерно 20 городищах и целого ряда неукрепленных поселений хуннского времени Азии (Данилов, 2004; Данилов, 2011, С.15–30; Крадин, Кан Ин Ук, 2011, С.319–320). К сожалению, можно констатировать все эти памятники изучены довольно неравномерно и не в пример хуже, чем могильники. Стационарные раскопки проводились лишь на некоторых памятниках в разных регионах Центральной Азии.

На территории Монголии зарегистрировано девять городищ хуннского времени, датированных по черепице и квадратным кирпичам ханьского времени. Наиболее хорошо изучено городище Тэрэлжин Дэвэлжин в Центральном аймаке Монголии. Укрепления его состояли из сильно оплывших земляных валов (высота до 1 м, ширина 2–4 м). В центре городища обнаружены остатки 4 зданий, самое крупное из которых имело размеры 60х35 м. постройки располагались на своеобразных глинобитных помостах. Тем же найдены круглые гранитные опоры деревянных колонн и многочисленные фрагменты кровельной черепицы. Дорожки вокруг зданий были уложены плоской средних размеров галькой. При этом остатков активной жизнедеятельности – костей животных, фрагментов керамики или бытовых предметов практически не обнаружено (Да-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок:
период становления

нилов, 2004, С.34–46, 131–142; Данилов, 2011, С.15–30; Данилов и др., 2016, С.74–93).

В Забайкалье известно поселений и городищ рубежа эр. В основном они расположены в бассейне р. Селенга. Одно из крупнейших и хорошо изученных городищ в долине р. Чикой этого времени является Иволгинское городище, который был довольно детально изучено археологически, начиная еще с XIX в. (Давыдова, 1985; Давыдова, 1995; Данилов, 2004, С.35–37). Оно имело форму неправильного прямоугольника площадью около 75 га, вытянутого с севера на юг. Валы городища имели небольшую высоту и сложены из грунта. На его площадке выявлены остатки как полуземлянок, так и надземных жилищ. Одно их крупных жилищ имело подпрямоугольную форму, вытянутую с севера на юг. Стены были сложены из сырцового кирпича, обмазанных глиной. Дверной проем был на южной стороне. В северо-западном углу располагалась печь, сложенная из каменных плит, от которой вдоль восточной и западной стен шли каналы-дымоходы из каменных плит. На городище открыты следы активной хозяйственной деятельности – земледелия и ремесленного производства.

Кроме него в Южной Бурятии выявлены остатки городища Баян-Ундэр и еще несколько неукрепленных поселений (Дрены на р. Чикой в Бурятии, Боро в Центральной Монголии и др.) (Данилов, 2011, С.19–20).

К первым векам н.э. в Минусинской котловине относятся также несколько городищ округлой формы как опорных пунктов или пограничных крепостей на северных границах державы Хунну (Худяков, 2006, С.20–23). Несколько позже близ Абакана был построен знаменитый «китайский дворец» (Евтюхова, 1946, С.107–111; Евтюхова, 1954, С.202–206; Вайнштейн, Крюков, 1976, С.148; Кызласов, 2001). Здание имело прямоугольную форму (35x45 м) и было вытянуто с запада на восток. Стены были сооружены из глины, забиваемой в опалубку слоями (техника *ханту*). Следов жизнедеятельности довольно мало. Очевидно, «дворец» сооружался китайцами по приказу Сяубудана, правителя области для своей супруги, знатной китайки Имо. Вполне возможно, что это был не жилой, а именно поминальный комплекс близ его ставки.

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок:
период становления

В Минусинской котловине также выявлено несколько городищ (Абаканское и др.), 5 из которых имеют кольцевую форму (Тулу, 2021, С.339–340). В Горном Алтае в бассейне Катуня также изучены городища (Чепошские и др.) хуннского времени (Соенов и др., 2011, С.7–15).

Суммируя все материалы по археологическому исследованию городищ хуннского времени в Центральной Азии (Данилов, 2004; Данилов, 2011, С.15–30; Крадин, Кан Ин Ук, 2011, С.319–320) можно подчеркнуть, что они делятся на несколько групп. Выделяются небольшие пограничные крепости, прикрывавших северные рубежи державы Хунну в Минусинской котловине и Горном Алтае, использовавшие при сооружении укреплений рельеф местности. В Забайкалье и Центральной Монголии в хуннское время существовали большие по площади подпрямоугольные поселения, ориентированные по сторонам света, укрепленные как земляными валами и стенами, так и просто деревянным частоколом (Иволгинское городище, Баян-Ундэр на р. Джиде, Дрены на р. Чикой в Бурятии, Боро в Центральной Монголии). На них открыты жилища полуземляночного типа, так и надземные дома. Особенности этих поселений в том, что на них были выявлены отчетливые следы занятий населения земледелием и различными ремеслами. Внутри по меньшей мере двух из них (Иволгинском и Баян-Ундэрском) открыты наземные жилища явно выделяющиеся своими размерами и планировкой, что свидетельствует о явной социальной дифференциации внутри поселения.

Третий тип построек (Абаканский «дворец», Тэрэлжин Дэрэвлжин), скорее всего, представляли собой погребально-поминальные комплексы. Возможно, близ ставок шаньюев. Их особенностью была прямоугольная планировка, земляные валы со стенами, ворота по четырем или двум сторонам (как правило север-юг), а также большое возвышение в центре – центральный павильон, часто состоящий из одного или двух подквадратных строений на глинобитной платформе (до 1,5 м высотой). Оно возводилось каркасно-столбовым способом: на гранитные базы устанавливали деревянные опоры стен и крыши. Такая система характерна для китайских ар-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

хитекторов и строителей (Данилов, 2004; Данилов, 2011, С.15–30; Крадин, Кан Ин Ук, 2011, С.319–320).

Это доказывает, что в державе Хунну существовала довольно развитая система городских центров со своей внутренней иерархией, которая еще не конца изучена. В ней были административные и религиозные центры, земледельческие и ремесленные поселения, а также пограничные крепости. Все это заставляет полагать, что это не отдельные «случайные» поселения, затерянные в степи, а цельная система в период становления, когда плотность населения, экологические и военно-политические условия не позволяли ее упрощать.

В это же время в Восточном Туркестане развиваются в оазисах «караванные города», которые возникли на основе земледельческих поселений, а в период возникновения Великого Шелкового пути, стали частью новой торговой магистрали как торговые эмпории – центры международной, дальней торговли (Боровкова, 2001, С.35–135; Боровкова, 2008, С.73–108; Франкопан, 2019, С.29–96).

Наряду с распространением власти империи Хань на «западный край» и упрочения торговых связей между цивилизациями Дальнего Востока и Средиземноморья происходит бурное развитие городов. В период Великого переселения народов происходит вторжение кочевых народов в Среднюю Азию и создание новых государств. Они осваивают городские центры и осваивают сельскую округу (Камолитдин, 2004, С.254–374). Одновременно с этим укрепляются регулярные связи этих держав с народами лесной зоны. На границе леса и степи возникает целый ряд новых городищ, выполнявших, видимо, роль торговых факторий и крепостей, защищавших монополию тех или иных общин на эту зону торговли (Боталов, 2009, С.15–16).

Ворвавшиеся в Европу гунны принесли с собой и традиции государственности и градостроительства. В Причерноморье они занимали античные города, превращая их в свои столицы, а в степи возводили укрепленные городки. Судя по сведениям византийских авторов, гуннские города были чрезвычайно похожи на ставки хунну в Центральной Азии. Это были большие селения, окруженные деревянными стенами. В центре располагался дворец правителя за

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок:
период становления

оградой из бревенчатой стены с башнями. Гуннские аристократы также имели в этом поселении свои дворцы меньших размеров (см.: Удальцова, 1972, С.56).

Очевидно, это свидетельствует, что раннегородские структуры в период становления государственности в степной зоне Евразии, на периферии мира цивилизации имеют определенности закономерности своего развития. Они явно не сводятся к прямолинейной схеме образования городов за счет ограбления стран «первого мира», а вытекают из органичного развития общества на определенном этапе своего развития. Постепенное накопление политического и культурного потенциала привела к новому этапу развития степного общества и градостроительства. Вместе с тем, в этот период основы городской жизни не были стабильными, как и сама ранняя государственность, а религиозные культы, городские производства и сельская округа не были устойчивы к хозяйственным и политическим катаклизмам, а участие их в мировой торговле было не регулярным. Все это предопределило преобразование всей системы государственности и основ градостроительной политики.

2. Раннегородской этап (VII–IX вв.).

Этот период, когда государства степной Евразии стали объединяться в могущественные империи с полноценным участием в мировой политике и торговле. Все ранние так или иначе возникли сначала как ставки правителей и по их приказу, но имели свою сельскую округу и ремесленное производство, участвовали в мировой торговле. Именно поэтому наиболее динамично стали развиваться города, занимавшие выгодные позиции на перекрестке торговых магистралей и ставших центрами крупных региональных держав в разных концах степной Евразии – города Уйгурского каната – Орду-Балык и Бай-Балык, торговые города в Семиречье, города гузов в Приаралье, Семендер, Баранджар и Итиль в Хазарском каганате, Болгар и Сувар в Волжской Булгарии. Особенностью ранних городов этого времени было возникновение в них полноценных храмов, по мере внедрения в среду кочевой знати мировых религий – в них появились монументальные постройки как элементы новой религиозной организации: буддизма, ислама или христианства.

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

анства. Важно отметить, что для защиты зоны оседлых поселений часто создавались системы крепостей, где располагались военные гарнизоны.

Тюрки, создавшие мировую империю не создали своих городов. Они активно использовали города и торговые пункты, которые существовали на Великом Шелковом пути в оазисах Восточного Туркестана и Средней Азии. Сами они не создали крупных поселений городского типа. Все сведения о поселениях тюрков свидетельствуют, что они ограничивались сосредоточением политико-административных и религиозных функций в ставках. Ситуация стала меняться в период Второго Тюркского каганата, когда тюркские каганы начали формировать свою государственность, пытаясь соединить тюркские традиции с китайским опытом. Создание поминальных комплексов в Кошо-Цайдаме, кодификация письменности на основе руники и ряд мероприятий показывает, что возникновение города было вопросом времени. Но его у Тюркского каганата не осталось. Военные столкновения с враждебными соседями – кыргызами и татарами, а также с восстанием телесских племен во главе с уйгурами уничтожили их государство.

Однако само создание империи, объединившей степи от отрогов Хингана до Приазовья и Предкавказья привело к возникновению новых торговых маршрутов и новых стационарных поселений, которые постепенно превращались в караванные города, как это происходило в Семиречье.

Система оседлых поселений возникла, судя по тюркским руническим памятникам, уже существовали у телесских племен и татар. В этом смысле характерно указание тюркских рунических памятников (КТб, 444) о битве Кюль-тегина против уйгуров (токуз-огузов) в 716 г.: «В один год мы сражались пять раз. Самый первый (раз) мы сразились при городе Тогу» (Малов, 1951, С.42). В эпитафии брата Кюль-тегина Бильге-кагана (Могильяна) (БКб, 30) есть важное уточнение: «Первый раз я сразился у Тогу-балыка, когда мой народ переправился вплавь через реку Тоглу...» (Малов, 1959, С.21). Иными словами, у уйгуров на берегах Толы уже существовали города. Не исключено, что остатки этого города были позднее использованы

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

для возведения киданьского города Кэдунь (см.: Крадин и др., 2011, С.438–440).

Для этого периода для обозначения городов начинает использоваться тюркский термин *baluq / baliq*. Он фиксируется в тюркских рунических текстах (Тон, 18, Малов, 1951, С.66), а позднее несколько раз фиксировался в записях на рунической графике на тюркском или среднеперсидском языке из Восточного Туркестана с территории Турфанского уйгурского идикутства (до 906 г.) (Древнетюркский словарь, С.80, 81). Важно отметить, что в тюркских текстах VII–X вв. различали понятия «город» (*baliq*), «дворец» (*ordu*) и селение (*ulus*) (Древнетюркский словарь, С.80). Этимология этого слова *baliq* не совсем понятна. Есть предположение, что оно восходит к слову *bal* «глина» (С.Е. Малов, Г. Дерфер), хотя эта этимология не общепризнана и вызывает возражения (Севортян, 1978, С.59). Однако, само возникновение и широкое бытование, судя по исторической топонимике (Камолитдин, 2006, С.64), этот термин отражал реальное понимание отличие города от ставки (Камолитдин, 2006, С.65) и сельских поселений (улус, кашлык, иль и т.д.)

Накопленный в предыдущие века опыт государственности и градостроительства привел к взрывному развитию городов в период Уйгурского каганата.

Реальный прорыв на пути урбанизации произошел в период Уйгурского каганата, когда возникло несколько городов (не менее 14) (Кляшторный, 2010, С.277). Из них выделяются крупные столичные города – Орду-Балык (городище Харбалгасун) в бассейне р. Орхон и Бай-Балык (городище Бейбулгак-Балгас) на северном берегу р. Селенга.

Обе эти столицы возникли по приказу второго правителя Уйгурской династии Яглакар – Элетмиш Бильге-кагану (Моюн-чура) (правил 748–759 гг.), как повествуется в его эпитафии (памятник Мою-чура, Селенгинский камень) в урочище Могойн-Шине-ус. Первой в год Змеи, 753 г. он приказал воздвигнуть столицу: «остановившись лагерем, у соединения Орхона и Балыклыг [р. Джирманту] повелел строить и воздвигнуть государственный дворец и государственный дом» (МШУ, 34, Малов, 1959, С.37, 42), т.е. возвести столицу – город Орду-балык. Спустя несколько лет, в конце года

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

Курицы (757 г.) «...согдам и табгачам [китайцам] я дал (приказ) на (берегу) Селенги построить (город) Бай-балык» (МШУ, 44, Малов, 1959, С.38, 43). Иными словами, два важнейших города Уйгурского каганата – условно главная и северная его столицы имеют точные даты начала строительства. Определенно, что это не отдельные и изолированные действия, а часть большой градостроительной политики, попытка укрепить свою власть в ключевых регионах и стабилизировать власти кагана. Особо следует подчеркнуть, что эта политика началась до активного вмешательства уйгуров в китайские дела в период восстания Ань Лушаня (755–763 гг.).

Обе столицы Уйгурского каганата подверглись археологическому изучению, что позволяет представить их структуру и основные особенности.

Орду-Балык состоял из прямоугольной цитадели (600х600 м), обнесенной стенами, сложенными из ленточного глиняного цемента с деревянной основой (техника *ханту*) (высота сохранившихся стен до 12 м) с угловыми и простеночными башнями. Внутри городище довольно плотно застроено. В юго-восточном углу крепости находится квадратная цитадель, встроенная в стену. Очевидно, это был дворцовый комплекс. Он имел плоскую крышу, на которой располагалась золотая юрта кагана. С восточной стороны в центре стене расположены ворота с башнями. Внутри вдоль северной и восточной стен видны прямоугольные помещения – казармы или дома знати. В западной трети цитадели расположена, отделенная рвом и валом квадратная постройка с возвышающейся над ней башней. Очевидно, это был буддистский монастырь со ступа. За ней, очевидно, располагались западные ворота, укрепленные башнями и фронтальными укреплениями.

Исследовавший этот памятник С.В. Киселев, в восхищении от развалин Орду-Балыка писал: «Чтобы представить себе, каким он был на самом деле, достаточно сказать, что одна цитадель с прилегающими к ней садами занимает в длину почти 1 км. Размеры центральной части города, окруженной специальными валами и находящейся к юго-западу от цитадели, равны 1×1 км. Далее идут менее заселенные кварталы и расположенные за внешними валами города сады и обширные усадьбы» (Киселев, 1957, С.194).

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок:
период становления

Арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посетивший Орду-Балык в 820–821 гг., описывает его как большой город с двенадцатью железными воротами и крепостью. Ещё за пять фарсахов до города Тамим увидел громадный золотой шатёр царя, установленный на плоской крыше его замка и вмещающий сто человек. Он был «густо населен и многолюден, с большим числом рынков и разнообразными товарами». Земли вокруг города тщательно возделывались», а населяли его зиндики (манихеи или буддисты) (Minorisky, 1948. p. 283). Через четыреста с лишком лет развалины уйгурской столицы посетил личный секретарь монгольского военачальника и наместника Хорасана, эмира Аргуна, Ала ад-дин Атамалик Джувейни (1226–1283), автор жизнеописания Чингиз-хана и первых Чингизидов. В краткой заметке об истории уйгуров, он отмечает, что на берегах реки Орхон есть: «... можно также увидеть развалины дворца и города, называемого Ордубалык, хотя сейчас он называется Мау-балык. Неподалеку от дворца, напротив ворот, лежат камни, покрытые надписями, которые мы видели собственными глазами» (Джувейни, С.36). В этом сообщении интересно не только сохранившееся подлинное название города, но и наличие близ него стел с надписями.

Город Бай-Булак располагается на в 11 км к западу от поселка Хутаг-Ундер аймака Булган в северной Монголии и в 2 км к северу от реки Селенга. С 2017 г. планомерные археологические исследования на территории городища проводит совместная экспедиция Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Института археологии и истории МАН (Ситдинов и др., 2019, С.63–64; Ганбат и др., 2020, С.179–192). Судя по исследованиям, городище состояло из трех частей. На всех выявлены укрепления. Были проведены разведки и раскопки разных объектов городища. Выявлен культурный слой на всех объектах мощностью до 0,5 м. и следы хозяйственной деятельности. Выявлен культурный слой на всех объектах мощностью до 0,5 м и следы хозяйственной деятельности, а также фрагменты уйгурской керамики, аналогичной находкам из Орду-Балыка (Худяков, Цэвээндорж, 1982, С.85–94).

Наиболее укрепленной частью являлся северная часть – цитадель, защищенная системой вала с глинобитной стеной в технике

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

ханту (высота 4–5 м) шириной (1,5–2 м). Длина сохранившейся части северной стены – 142 м, высота 3,5–4 м, а толщина 2,5–3 м. Конструктивные детали этой стены аналогичны восточной части. В центре укрепленной части имеются оплывшие подквадратные возвышенности (до 0,4 м), а в центре расположена подпрямоугольная (60×30 м) платформа (состоявшая из двух квадратов (30×30 м) высотой до 0,5 м, вытянутая с севера на юг с небольшим угловым отклонением к северо-западу). Внутри северной платформы виден фундамент, сделанный из цемента, на котором было, очевидно, построено главное здание буддийского монастыря Бийбулаг, который был, очевидно, возведен на площадке дворцового комплекса или более раннего храма. С территории городища происходят гранитные и мраморные основания и цилиндры колонн, гранитные изваяния львов, оформлявших, вероятно, вход во дворец или храм, а также черепahi, служившие основанием для камнеписных текстов.

Город состоял из нескольких частей, очевидно, которые имели административную, социальную и экономическую подоснову. Ставка правителя, военно-ремесленный центр и центр земледельческого населения. Вокруг этих центров, имевших стены, располагались поля и ирригационные системы. Обнаружены в ходе исследования местности следы ирригационной системы и гранитный жернов свидетельствует о занятии населения земледелием, в частности, выращиванием зерновых культур. Очевидно, что земледелием и ремесленной деятельностью занимались согдийцы и китайцы, как податное население. Тогда как уйгуры и другая тюркская аристократия использовала эти городские дома, как сезонные ставки.

Кроме этих столичных городов уйгуры создали целую городскую сеть из более чем десятка городов в бассейнах рек Орхон, Тола и Селенга. Не исключено, что значительная часть более поздних городов в этих регионах построена на месте уйгурских городов, о чем, в частности, говорят находки уйгурской посуды на киданьских городищах (см.: Крадин, 2011, С.430–440; Киданьский город..., 2011).

Уйгуры вели и обширное строительство на северных границах, где была создана целая военно-оборонительная система из 15 крепостей и караван-сараев (на территории совр. Тувы) – городища

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

Эльдег-Кежиг, Пор-Бажын, Шагонарское III, Бажин-Алаак и др. (Кызласов, 1969, С.59–63). Все они расположены по одной дугообразной линии, защищая плодородные долины Тувы от вторжения кыргызов. Практически все эти городища имели подквадратную форму и были возведены из слоев глины в технике ханту. Крупные городища имели угловые и воротные башни. Судя по находкам, в них располагались длинные помещения (казармы или конюшни), а также землянки. Находки немногочисленны, но выразительны – фрагменты керамики, следы железоделательного производства и обломки фарфора танского времени.

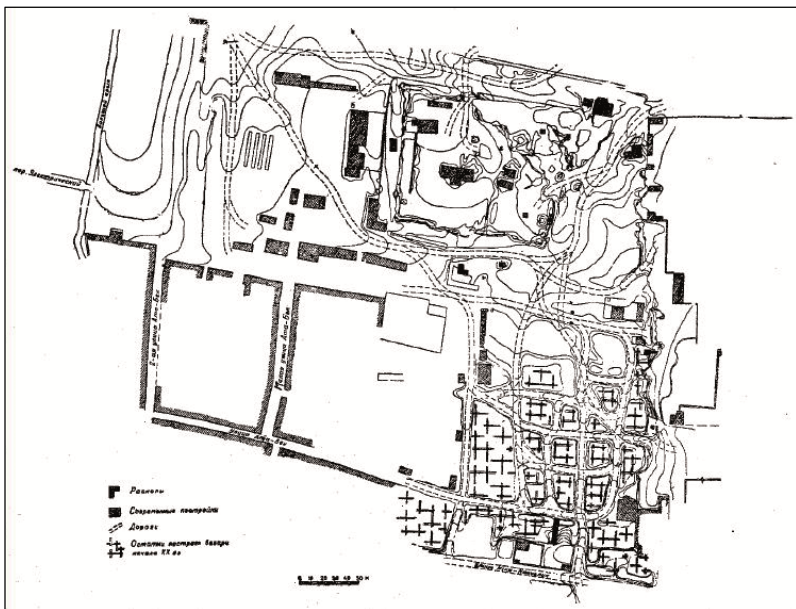
В период тюркских каганатов значительного развития получили города в оазисах Восточного Туркестана Дуньхуан, Хами, Турфан, Куча, Карашар и др. (Боровкова, 1992; Боровкова, 2008, С.203–323; Литвинский, 2000, С.13–217). Через них шел основной поток товаров по Великому Шелковому пути (Лубо-Лесниченко, 1988, С. 352–391; Франкопан, 2019, 118–142), поэтому они стали ареной ожесточенной борьбы между Империей Тан, Тибетом и тюркскими каганатами (Тюркским, Уйгурским и Кыргызским). Позднее к этой борьбе присоединились арабы. Завершилась эта борьба образованием Турфанского уйгурского идикутства, поставившего в конце IX в. под контроль практически все караванные пути.

Поселения в этих оазисах имели разное происхождение и планировку, но к началу X в. они превратились в настоящие города с глинобитными крепостными стенами, укрепленными башнями, а внутри делились на цитадели и торгово-ремесленные кварталы. Вокруг города, а иногда и внутри располагались сады и обработанные поля. При этом важнейшей функцией городов было обслуживание торговых караванов. В городах имелись разнообразные монументальные постройки, включая дворцы знати и буддийские монастыри с храмами и ступами.

Другим очагом становления новых городов в тюркское время было Семиречье. В эпоху Тюркских каганатов здесь был центр владений и начали развиваться караванные города, используя все выгоды своего положения прохода через Джунгарские ворота. Столицей Западнотюркского каганата, выросшей из ставки кагана стал город Тараз (Бартольд, 1943, С.16–25; Бернштам, 1941, С.25–42).

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

Позднее Семиречье завоевывают карлуки (766–940 гг.), сделавшие своей столицей город Суяб в Чуйской долине, точное местоположение которого не установлено. Уже к X в. здесь возникает целая сеть городских центров, среди которых возвышается Баласагун, ставший столицей государства Караханидов (991–1040 гг.).

План Тараза (по Бернштаму, 1941)

Археологически выявлено значительное городище, что свидетельствует о значительной конкуренции между их правителями за контроль над торговыми магистралями. Обычно города Семиречья возникали из ставок племенной аристократии (*кешк*) в течение летний и зимний, в которых они собирали подати, вели дипломатические переговоры и регулировали вопросы торговли, собирали войска. Постепенно они укреплялись стенами, а вокруг них концентрировались ремесленники и формировалась сельская округа. Обычно такие города имели цитадель (*арк*) с дворцом правителя и казармами гвардии, храмовым комплексом и *шахристан* – ремес-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

ленные кварталы, которые также обносились стенами. За их пределами располагались земледельческие селения (*рустаки*), усадьбы с садами и огородами. Состав населения этих городов изначально был неоднородным. В нем жили выходцы из разных стран – тюрки, согдийцы, китайцы. Как правило, в тюркский период эти города были поликонфессиональными, включающими как буддистов и христиан, так и манихейцев, зороастрийцев и язычников, имевших свои храмы и кладбища (Труды..., 1950; Бернштам, 1941, С.6–61; Бернштам, 1949, С.337–384; Могильников, 1980, С.46). При этом, разумеется, тюркская кочевая аристократия проживала в городах только сезонно, предпочитая вести традиционный образ жизни, имитирующий кочевой быт. Подобная городская структура практически знаменует переход к средневековому городу (Беленицкий и др., 1973, С.14–112).

В степях Восточной Европы развитие городов проходило практически те же стадии, что и в Центральной Азии, но с некоторыми нюансами, объясняемыми географическим положением, наличием торговых эмпориев средиземноморских стран (прежде всего, Византии) и иной градостроительной политикой.

Первые города в тюркскую эпоху представляли собой ставки правителей близ поминальных комплексов, а также использование римских причерноморских городов. Таковой была Фанагория – столица Великой Болгарии и бывший античный порт на Тамани (Чхаидзе, 2012).

Образование Хазарского каганата, ставшего региональной империей, потребовал формирования определенной городской среды, поскольку в наследие от империи тюрков им досталась налаженная караванная торговля – северное ответвление Великого Шелкового пути. Первоначально основные городские центры Хазарии располагались в Приморском Дагестане. Всего там археологически известно более 42 городищ. Все они округлые, подквадратные и сложно-фигурные, починающиеся рельефу местности, и были защищены глинобитными или сырцовыми крепостными стенами. Крупные городища (более 20 га) имели двух- или трехчастную структуру. Внутри городищ открыты не только жилища и остатки ремесленных производств, но и культовые сооружения.

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

Вокруг городищ были изучены курганные захоронения с богатым инвентарем, включающим боевые пояса, оружие и конское снаряжение, украшения и керамическую посуду (Магомедов, 1983, С.26–94).

Письменные источники позволяют считать, что среди этих городищ есть остатки городов, известных по сведениям армянских и арабо-персидских авторов VIII–IX вв. – Семендер и Беленджер, которые описывали их как населенные, богатые города, окруженные цветущими полями и садами (Магомедов, 1983, С. 46–60; Новосельцев, 1990, С.122–134).

После арабо-хазарских войн и разорения Прикаспийской Предкавказья хазары переносят столицу в дельту Волги, где создают новую столицу – Итиль. Археологически его руины не обнаружены, но судя по описаниям арабских авторов он состоял из двух или трех частей – цитадели (*арк*), где проживал каган и двух торгово-ремесленных посадок. Каган и часть хазарской аристократии приняли иудаизм и в городе было построены синагоги, вместе с тем в разных кварталах города функционировали мечети и церкви, а каждая городская община, включая язычников имела судий, которые судили людей, согласно их законам.

Важной областью Хазарии являлось Подонье. Это была развитая земледельческая область с тысячами селений, жители которых занимались выращиванием зерновых и бахчевых культур, а также виноградарством (Noonan, 1994, p. 331–345; Noonan, 1995–1997, p. 253–318). На северной границе этой области по высоким берегам рек Северский Донец и Оскол, на берегах Донца, а также на Нижнем Дону открыто и изучено около двух десятков городищ (Плетнева, 1999; Флеров, 2011). Часть их имеет прямоугольную форму, часть подквадратную, а другие – подтреугольную, повторяя рельеф местности. Некоторые просто являются мысовыми городищами. Стены городищ чаще всего сложены из белокаменных блоков, реже – они деревоземляные. В одном случае (Саркел) стены возведены из обожженного кирпича, поскольку распланированы византийским инженером. В ряде случаев городища имеют внутреннюю структуру.

На городищах почти нет монументальных построек и практически нет следов жилищ (возможно, люди жили в юртах) и практи-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок: период становления

чески нет следов ремесленной деятельности. Вокруг крупных городищ выявляется целый комплекс памятников – селищ и могильников. Население округа занималось земледелием, есть следы ремесленной деятельности – гончарства, обработки железа и ювелирного дела. В небольшом удалении открыты могильники с сотнями погребенных, причем по разным обрядам – от коллективных захоронений в катакомбах до трупосожжения и погребения праха в округлых ямах. На селищах и самих городищах найдены предметы, свидетельствующие об участии в дальней торговле.

Все это заставляет думать, что скепсис в отношении атрибуции этих городищ, как хазарских городов (Хазанов, 2004, С.320; Флеров, 2011, С.197, 224–225), кажется излишним. Ранние города нельзя сравнивать с развитыми средневековыми городами Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Это представляется некорректным. Как и представление о том, что эти монументальные крепости служили лишь летними ставками по время весенних перекочевок аристократии. Действительно, хотя резиденцией кагана был город Итиль, значительную часть года он со своим двором кочевал в Нижнем Поволжье и Предкавказье. Но это не означает, что такой привилегией пользовалось все население страны. Наоборот значительная его часть занималась земледелием, ремеслами, вела торговлю, кочевала со своими стадами, чтобы обеспечить процветание аристократии и обеспечить ее товарами для покупки дорогих иностранных товаров. Сами кочевки кагана и его элиты было явно не хаотичными. Скорее это, как и во всех ранних государствах напоминало «польюдь» – реализация обязательства содержать кагана и сбор регулярных налогов. В этом смысле, то что могло показаться восточным авторам, как кочевание было объездом своей территории для решения споров и проведения воинских сборов и т.д. Но этот факт не отменяет, что города именно играли важнейшую роль в экономике, управлении и обороноспособности государства.

Кризис Хазарского каганата в результате неудачных войн с печенегами, замедление торговли и вторжений викингов-русов, привело к распаду самой городской и сельской инфраструктуры. А после разорения печенегами Подонья сама основа стабильности кага-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок:
период становления

ната была подорвана, что и привело его к гибели в 965–968 гг. Но сами процессы урбанизации в регионе не прекратились.

Особенно ярко эти процессы проявились в Волго-Уральском регионе. Включение в крупномасштабную международную торговлю по волго-балтийскому торговому пути послужило мощным источником экономического роста. Самые ранние города болгар, возникшие в Поволжье – это целый ряд пунктов по берегам Волги и Камы – образовавшиеся под влиянием Великого Волжского пути. Здесь обнаружены самые ранние свидетельства, позволяющие говорить о начальных этапах становления городской структуры уже в начале X в. – города Биляр, Болгар, Сувар и других, а также возникает и расширяется сельскохозяйственная и торгово-ремесленная округа.

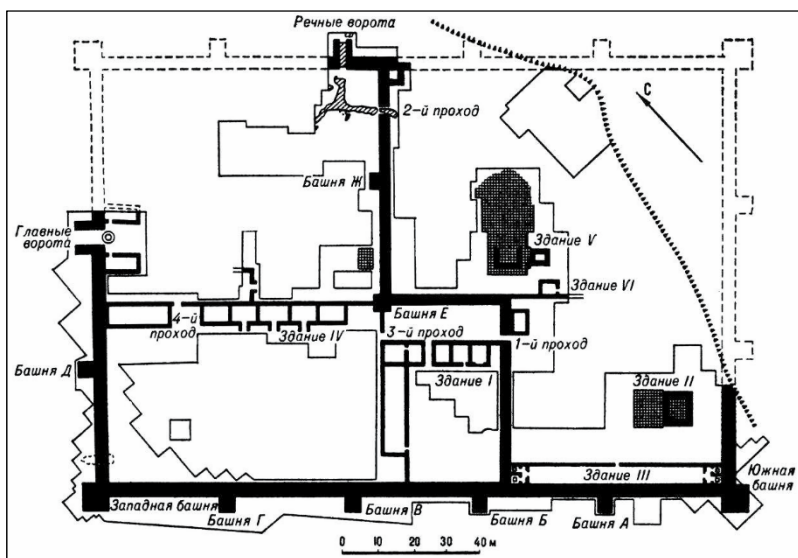
Судя по данным археологии, все болгарские города возникли сразу как мусульманские. Никаких языческих погребений в ближайшей округе ранних городов не обнаружено. Это заставляет считать, что оседлое и в значительной мере, очевидно, исламизированное население из разоренного печенегами Подонья двинулось в начале X в. В Булгарию. Здесь они начали создавать поселения вокруг резиденций правителей близ берега Волги, где можно было развивать ремесло и заниматься земледелием. Именно так, скорее всего возникли Болгар и Сувар – города, первые упомянутые в историко-географической арабо-персидской литературе. Именно в них начали чеканить свои монеты в первой половине X в. Не совсем понятен вопрос о начале создания укреплений вокруг Болгара, но ясно, что уже в середине X в. он имел двухчастную структуру – цитадель (*арк*) и земледельческо-ремесленный посад (*шахристан*).

Несколько позднее это земледельческое население начинает осваивать бассейны притоков Волги. Эти новые города создавались в виде огромных подквадратных или подпрямоугольных защищенных валами и рвами поселениями. Не на всех из них выделяется двухчастная система организации пространства. Но в центре одного из них – Билярского городища в центре города изучена мечеть, состоявшая из более ранней – деревянной и более поздней – белокаменной постройки. Рядом с ней была возведена баня. Все это свидетельствует, что город Биляр сразу возник, как мусульманский го-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок:
период становления

род с его неизменными атрибутами – мечетью и квартальными банями (Хузин, 2001).

Следует подчеркнуть, что не вся площадка городища была заселена плотно. Внутри ее кроме жилых и ремесленных кварталов находились кладбища, а также, очевидно, поля и сады, стояла для содержания скота.

План Саркела (По Артамонову, 1962)

В этих ранних городах и в их ближайшей округе сравнительно часто находят престижное и дорогое оружие – каролингские мечи, граненые пики, детали доспехов и поясной гарнитуры. Особенно выразителен комплекс находок, связанный скандинавами – русами. Все это свидетельствует о том, что в раннем городе концентрируется военно-служилая аристократия, являющаяся двигателем новых социальных изменений.

В конце X в. стала уже независимой монархией с практически полной исламизацией всего оседлого податного населения, некоторые элементы кочевого традиционного быта сохраняла только бул-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления

гарская аристократия. Города приобретают обычный средневековый облик мусульманского поселения с евразийской спецификой.

Таким образом, можно констатировать, что те процессы формирования протогородов, начавшиеся в степной Евразии еще в хуннскую эпоху и получившие продолжение в древнетюркский период, получили развитие позднее, став частью этого процесса, охватившего в период средневековья всю степную Евразию. Динамику этому процессу придавали социально-политические изменения. По мере социальной и политической эволюции степных народов, они стремились к независимости от оседлых государств. Сначала они копировали их политические и религиозные институты и городские центры, а затем пытались создать свою земледельческую базу, ремесленные мастерские и торговые площадки.

Монументальные постройки и городские стены были призваны подчеркнуть могущество государства, внушать уважение и трепет перед властью. Огромные храмы также должны были подчеркивать, что данная власть священна и находится под покровительством божественных сил.

Обобщая данные об этих городах можно подчеркнуть несколько особенностей городского развития в степной Евразии:

1. ярко выраженные атрибуты власти – дворцовые комплексы, выделенные цитадели, монументальные постройки и стелы с надписями;
2. Манихейские или буддистские храмы;
3. мощная фортификация;
4. специализированное ремесленное производство;
5. пригороды, население которых занимается земледелием;
6. многоэтническое население;
7. участие в международной торговле.

Фактически все эти признаки совпадают с пониманием сути раннего города в других регионах Евразии, в первую очередь варварской Европе.

Можно подчеркнуть, что в градостроительстве степной Евразии, происходило два взаимосвязанных процесса, определявшие динамику их развития – с одной стороны, укрепляются степные государства, развиваются их институты и укрепляется военная организация, а с другой – возрастает интенсивность торговых операций, дальность их маршрутов, в контакты включаются все новые страны второго и третьего мира. Все это привело к укреплению городской инфраструктуры. Ранний город стал не столько ставкой

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрок: период становления

правителя, сколько земледельческими, торговыми и ремесленными центрами.

Важную роль в развитие города играет пространственное разделение различных социальных страт. Ранее сама жизнь в протогороде отличала жителей от живших в кочевых аилах. В ранних городах, по мере роста населения, потребовалось отделить элиту от остального населения. Выход был в создании отдельных замков аристократии и создании особых цитаделей (*арк*) внутри городов. С этого момента деление города на части стало инструментом установления и институционализации социальной дифференциации.

На этом этапе возрастает концентрация населения городов, которые становятся поликультурными и многоязыковыми сообществами. В этот период в среду населения степной Евразии начинают внедряться мировые религии – манихейство, буддизм, а позднее христианство и ислам. При этом все чаще стали возникать ситуации, когда податное население города полиэтнично и отличается от элиты. Например, в городах Уйгурского каганата основную часть населения составляли согдийцы и китайцы, а правящий слой – уйгуры. Та же логика действовала и в отношении религиозных верований – аристократия могла придерживаться одной веры (уйгуры приняли манихейство, хазары – иудаизм), тогда как основное население исповедовало буддизм и ислам. Впрочем, для развитого средневекового города такая ситуация не редкость.

Обычно считается, что средневековый город возникает как антпод деревни, а городские занятия – ремесло и торговля. Но для города, возникшего в степи, все гораздо сложнее. Такого простого деления земледелие – ремесло, как в Европе в Центральной Азии происходило иначе. Земледелие для города в степи – это насущная необходимость, которая является неотъемлемой частью раннего города, как и управленческо-административный комплекс. Линия раздела происходит в этом случае по линии земледелие – кочевое скотоводство. При этом реальная ситуация была более сложной. Так, уйгуры и другая тюркская аристократия, включая хазар и болгар, использовала эти городские дома, как сезонные ставки, а сама достаточно долго сохраняла свой пасторальный образ жизни. Это не значит, что они игнорировали достижения цивилизации и остава-

ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков:
период становления

лись критически зависимы от травостоя и тучности скота. Наоборот элита обеспечивала себя за счет оседлого населения городской округи, но предпочитала вести прежний образ жизни. Впрочем, такая верность традициям была характерна, например, арабской элите уже после завоевания всего Ближнего Востока. Они продолжали жить и в пустыне и строить там свои замки.

Таким образом, процесс развития городов и урбанизации в степной Евразии был нелинейным и прерывистым. Но развитие от первых протогородов в степной зоне до развитых городов со сложной внутренней градостроительной структурой и полиэтничным и полконфессиональным населением стало необратимым. По мере укрепления степных государств они все больше зависели от устойчивого роста земледельческой округи и ремесленного производства. Новый этап становления города произошел уже в период киданьской империи Ляо и особенно в империи Чингиз-хана и его наследников.

ОЧЕРК III

Волжская Булгария: фактор урбанизации в становлении государства

Булгары на Волге: начало государства. Долгие века северо-восточная часть Восточной Европы (в первую очередь Среднее Поволжье) участвовало в контактах с развитыми цивилизациями Востока и Средиземноморья довольно эпизодически. Но с середины I тыс. н.э. ситуация изменилась. Бурное развитие производительных сил на севере Европы под влиянием римской цивилизации привело к становлению классового общества и дало толчок движению населения, которое получило в истории название «эпоха викингов», суть которого было в становлении раннесредневекового общества и государства на обширных просторах Северной и Северо-Восточной Европы.

Роль Великого Волжского пути в этих процессах трудно переоценить. В отечественной и зарубежной историографии давно признано, огромное влияние, которое оказал на экономическое развитие Восточной и Северной Европы Балтийско-Волжский путь, посредством которого сюда с Востока поступало в больших количествах арабское серебро, развивая местную торговлю и ремесленное производство. С начала VIII в. эта магистраль сомкнулась с Великим шелковым путем, став его северо-западным ответвлением (Кирпичников и др., 1980; Кирпичников и др., 1981; Дубов, 1989; Кирпичников, 1999). С этого времени эти два направления по Волге в Северную Европу и по степному коридору из Центральной Азии в Европу через Нижнее Поволжье в страны Средиземноморья, а через Среднее Поволжье в Балтийский регион, стали играть системообразующее значение для судеб народов Поволжья (Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов, 2007). Однако возникновение и функционирование этого пути имело и другие, не менее значительные по-

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

следствия, в первую очередь для социального и этнополитического развития этих регионов.

Долгое время влияние Балтийско-Волжской магистрали на историю рассматривались исключительно в торгово-хозяйственном плане или как поле этнокультурных контактов. Только сравнительно недавно, благодаря трудам В.Т. Пашуто, А.Н. Кирпичникова, Г.С. Лебедева, И.В. Дубова, Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина и других (Пашуто, 1970; Кирпичников, 1999; Кирпичников, 2001; Кирпичников, 2002; Кирпичников и др., 1980; Лебедев, 1985; Дубов, 1989; Мельникова, Петрухин, 1986; Мельникова, 1989; Мельникова, 1997; Мельникова, Петрухин, 1989) было обращено внимание на колоссальное значение, которое она имела для становления государств и формирование новых политических общностей. Разумеется, в коротком сообщении невозможно осветить все аспекты этой большой и сложной темы, поэтому остановимся на некоторых важнейших проблемах, остановив особое внимание на фактор урбанизации и его влиянии на этнополитическую структуру региона (см.: Измайлов, 2001, с.69–78).

Применительно к истории Волжской Булгарии, следует сказать, что историография до недавнего времени фактически обходила данную тему. Если отбросить некоторые детали и не вдаваться в характеристику конкретных деталей, а также разбор положений того или иного автора, то схема, по которой рассматривалась этнополитическая история булгар IX–X вв., представляется следующей: возникновение или консолидация булгарских племен в Подонье и Западном Предкавказье, переселение их в результате нашествия (в трудах разных авторов спусковым механизмом переселения служили или завоевания хазар, или нашествие арабов) в Среднее Поволжье, где они постепенно формируют государственность и консолидируются в феодальную народность (см.: Халиков, 1989; Казаков, 1992; Казаков, 1999; Хузин, 1997). Эта наиболее общая схема оставляла без внимания сам механизм этой консолидации, а также факторы, которые привели к такому бурному росту и, прямо скажем, прорыву этого региона к мировой цивилизации. Возникает и несколько других проблем, например, о характере общности булгар в Подонье и соответственно кто переселился в Среднее Поволжье и

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

на каком субстрате на новой родине происходило формирование новой этнополитической общности.

Говоря о начальном этапе становления Булгарского государства необходимо иметь в виду два важных обстоятельства: булгары, пришедшие в Среднее Поволжье, спасаясь от вторжения хазар, имели длительные традиции государственности, восходящие еще к дотюркским временам и то, что этнокультурная и этнополитическая обстановка во второй половине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье была довольно сложной и не совсем ясной. Эти обстоятельства, как можно предполагать, не только сыграли важную роль в возвышении булгар, но и стали ключевыми факторами в формировании нового государства на берегах Волги.

Есть основания полагать, что территория Среднего Поволжья была освоена тюрко-огурскими племенами еще в середине I тыс. н.э. По данным сочинений арабо-персидских авторов, кроме булгар среди них отмечаются группы *берсула* (*барсил*), *эсегел*, а также более мелких родовых групп – *сувар* (*савир*), *баранджар*, т.е. население будущей Волжской Булгарии кроме булгар включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огурский (савиры/сувары), центральноазиатский (эсегели/эсгили или чигили) компоненты (Golden, 1980, pp. 86–89). Представляется, что это были довольно дисперсно проживающие общины, не имевшие общей надродовой организации, в среду которых постоянно инфильтровались различные восточные и юго-восточные группы населения (Казаков, 2008, с.43–44).

Очевидно, в Среднем Поволжье мы имеем дело с довольно уникальной ситуацией. Основу населения формирующегося государства составляло не отдельное племя в традиционном смысле этого понятия, т.е. объединения, члены которого связаны общностью происхождения, внутренними кровнородственными связями и устойчивым этнонимом – одним из главных индикаторов этноплеменной самоидентификации, а дисперсные коллективы, отброшенные в результате военно-политических событий на периферию цивилизации. Здесь они вступили уже в новые взаимодействия и образовали новые объединения, включившие в свой состав группы весьма разнородного происхождения. Все это позволяет сделать вывод, что те группы населения, которые фиксируются позднее

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

письменными источниками, были объединениями не кровных родственников, а территориально-политическими общностями. Только весьма условно их можно называть «племенами» или «союзами племен». Для обозначения их можно было бы использовать тюркский термин «эль», обозначающий государство, во главе которого стоит правящее племя или клан. Именно такими этнополитическими образованиями были общности, зафиксированные арабо-персидской традицией в X в.

Постепенно, к началу X в. болгары сумели одержать верх и подчинить или связать союзническими отношениями все население Среднего Поволжья. К сожалению, детали этого процесса скрыты от нас в глубине веков, но этапность его очерчивается достаточно отчетливо. Приход группы болгар из Подонья во главе с кланом, верхушка, которого, имела, очевидно, родственные связи с правящим родом хана Кубрата Дуло, и, видимо, называла себя «серебряными болгарами», дабы отличить от других групп болгар (или протоболгар) в Подонье, Северо-Западном Предкавказье и на Дунае, вызвал цепную реакцию социальных изменений. В силу своей знатности и родовитости, этот клан болгар сначала объединил ряд огуротюркских групп, а затем начал борьбу с двумя другими крупными объединениями племен (берсула и эсегел) за власть и гегемонию. Не исключено, что в этой борьбе болгарам оказали поддержку хазары, которым, очевидно, легче было опереться на родственников болгар, чтобы подчинить своей власти Поволжье. Как бы то ни было, но в начале X в., когда письменные источники начинают фиксировать обстановку в Среднем Поволжье, болгары уже являются центром объединения всего населения Среднего Поволжья. Нам не известно имя правителя, при котором произошло это объединение, но, очевидно, что уже при отце Алмышы Шилки (Силки) это было свершившимся фактом. Правитель этого нового Булгарского эля, объединявшего под властью болгар все другие народы Среднего Поволжья, носил титул «эльтебер» («эльтебер» или «малик Булгар»), показывает его зависимость от хазарского кагана (Смирнова, 1981, с.248–251). О характере этого этнополитического объединения можно только догадываться, но явно, что структурно и типологически оно было близко к тюркским государствам Восточной Ев-

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

ропы. Иными словами, болгары, как родовая группа или клан стали господствующим племенем и формировали военно-служилую элиту общества. Представители других этноплеменных групп с момента вхождения в болгарский эль становились зависимым населением. Даже прежняя племенная аристократия стояла рангом ниже болгарской знати и включиться в элиту могла, очевидно, только породнившись с булгарами. Видимо, именно с этого момента принадлежность к клану болгар стала означать более высокий социальный статус (см.: Измайлов, 2006, с. 124–131).

Население Среднего Поволжья: кочевники и земледельцы.

Совсем недавно считалось, что тюркоязычные кочевники Восточной Европы – это, прежде всего скотоводы, совершающие постоянные меридиональные перекочевки. По мнению целого ряда отечественных исследователей, таковыми были аланы, болгары, хазары. Недаром в отечественной историографии до недавнего времени был весьма распространен тезис о Хазарии, как «небольшом полукочевом государстве». Однако изучение модели функционирования кочевого и полукочевого общества, так и анализ данных письменных источников и археологических данных, заставляет полагать, что хазарская экономика базировалась не только и не столько на кочевом скотоводстве. Скрупулезный анализ всех данных относительно хазарской экономики провел археолог Томас Нунен, который доказал, что основой экономики Хазарского каганата было развитое земледелие, включающее даже на периферии государства такие трудоемкие и специфические виды, как виноградарство, разнообразное ремесло, комплексное скотоводческое хозяйство и торговля, включая внутреннюю и международную (Noonan, 1994, p. 331–345; Noonan, 1995–1997, p.253–318). Весьма выразительны сведения письменных источников, которые рисуют картину живописной земледельческой округи, простиравшейся между основными городами хазар в Прикаспии и Нижнем Поволжье. Об этом ясно и неоднократно писали арабские авторы, начиная с Ибн-Хорддбеха и ал-Балхи, а также сами хазары, так каган Иосиф в письме иудейскому единоверцу в Испанию писал, что летом большинство жителей Итиля проживает в своих загородных домах, занимаясь выращива-

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

нием урожая, а сами свои земли описывал, как «плодородные и богатые», состоящие из полей, виноградников, садов и парков.

Но не стоит думать, что земледелие процветало только в Предкавказье и Нижнем Поволжье. Существуют веские доказательства процветающего земледелия в Подонье, где на целом ряде археологических памятников (Саркел, Правобережноцимлянское и Маяцкое городища и др.) были обнаружены пахотные орудия, серпы и мотыги. На ряде памятников обнаружены остатки зерновых ям с семенами пшеницы, мякины и проса. О развитом и высокопродуктивном скотоводстве стойлового, а не кочевого типа свидетельствуют остатки костей на многих памятниках салтово-маяцкой культуры в Подонье. Это прежде всего кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней, которые в процентном отношении ко всем находкам костей достигают 10 %. Развитое ремесленное производство доказывают весьма унифицированные находки украшений, деталей костюма и поясная гарнитура, характерные для всего ареала этой государственной культуры Хазарского каганата. Не менее выразительна и отличительна также продукция других ремесел, особенно круговых гончарных сосудов и широкий ассортимент железных изделий, включая оружия, всадническое снаряжение и сельскохозяйственные орудия. Все эти данные, которые хорошо известны благодаря широкому археологическому исследованию различных регионов Хазарского каганата, не оставляют никаких сомнений, что основу его экономики составляло не кочевое скотоводство, а комплексное хозяйство с упором на развитое земледелие и ремесленное производство.

Судя по этим данным, огуло-болгарское население, оставшееся под властью хазар, также процветало. «Черная Болгария», включившая земли Приазовья и Подонья, была одним из самых экономически развитых регионов Хазарии. Многочисленные археологические памятники, часть из которых хорошо изучена, не оставляет сомнений, что основу его составляло земледельческое население, имевшее навыки ремесленного производства и участия в мировой торговле.

Однако процветанию Хазарского каганата внезапно пришел конец. Принятие иудаизма и последовавшие за этим междоусобные

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

войны и мятежи, привели к дестабилизации обстановки на обширных территориях юга Восточной Европы. Все это привело к постепенному запустению степных районов Подонья и Предкавказья, откуда население начинает переселяться в более северные лесостепные районы. Так, например, такой большой город и бывшая столица Великой Болгарии – Фанагория, как и большинство других оседлых поселений в Приазовье, погибает под ударами врагов в конце IX – начале X в. Это яркое яркий показатель кризиса и начала распада Хазарии. Самым страшным ударом, который фактически разрушил единство Хазарии стало наступление печенегов. В 988 г. покинули земли Ателькузу в Приднепровье венгры, уйдя в Паннонию, а вслед за ними в степи Восточной Европы хлынули отряды печенегов. В 915 г. они впервые оказались у границ Руси и заключили мир с князем Игорем (ПСРЛ. Т. II, стлб. 32) и фактически стали господствовать в Северном Причерноморье. В течение короткого периода с конца IX по первые десятилетия X в., судя по данным археологии, прекращают существование все крупнейшие городища и основные поселения в Подонье – Салтовское, Маяцкое, Семикаракорское, Право- и Левобережноцимлянские городища, а также прекращают функционировать все могильники – Салтовский, Дмитриевский, Маяцкий и др. (Подробнее см.: Плетнева, 1967; Плетнева, 2000; Афанасьев, 1993).

Очевидно, что часть этого оседлого населения погибла в огне набегов, часть вынуждена была в условиях политической нестабильности перейти к кочевому образу жизни, фактически сливаясь с печенегами, а затем и кыпчаками. Однако часть переселилась в более северные регионы – в первую очередь в Волжскую Булгарию. Если верны сведения археологов, изучавших салтово-маяцкие памятники, то следует предположить, что уже с конца IX в. на Среднюю Волгу устремляется поток беженцев, имевших навыки оседлого земледелия и ремесленного производства. Придя на новую родину, они продолжали развивать свои прежние традиции жизни, быта и производства. Не удивительно, что среди находок в болгарских могильниках (Большеетарханский VIII–IX вв. и Танкеевского IX–X вв.) от трети до половины посуды составляют круговые горшки, выполненные в салтовских традициях. На ряде памятников VIII–

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

X вв. (Новинковский, Большиетарханский, Танкеевский могильники) обнаружены земледельческие орудия – наральники, серпы, косы, мотыжки и др., которые свидетельствуют о занятиях населения. Эти материалы заставляют считать, что предшествующее, жившее довольно дисперсно земледельческое население, оставившее памятники именьковской культуры, было довольно быстро растворено среди оседлых земледельческих переселенцев с юга, принесших новые более прогрессивные традиции земледелия и ремесленного производства, в частности, гончарного, вытеснившего примитивные горшки именьковской культуры.

Скорее всего, именно это население стало в конце IX – начале X в. основой оседлого населения формирующихся протогородов, возникающих в этот период в зоне Великого Волжского пути. Археологически эти памятники чрезвычайно сложно выявить, ввиду того, что ранние слои или еще не выявлены (поскольку занимали довольно небольшую площадь), либо уничтожены более поздними постройками. Однако в Болгаре близ Иерусалимского оврага обнаружены остатки раннего поселения, датированного монетами начала X в. Ранние слои, хотя и не такие выразительные обнаружены также при раскопках Билярского городища и ряда сельских поселений в Нижнем Прикамье (Старостин, 1993).

Не удивительно, что фиксируемые письменными источниками сведения об оседлом населении, указывают на их южное (предкавказское) происхождение, так Ибн-Фадлан отметил, что встретил в Булгарии группу «домочадцев» – баранджар, живших оседло и имеющих деревянную мечеть. Их наименование явное указание на место их родины – первую столицу Хазар город Беленджер (Баранджар). На занятия населения указывают и письменные источники, так Ибн-Фадлан писал: «Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень / у них/ в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял берет это для самого себя» (Ковалевский, 1956, с. 136).

Волжский путь и становление Булгарского государства.
Каким же образом становление Великого Волжского пути повлияло на изменение прежней этнокультурной картины? Включение в крупномасштабную международную торговлю служило мощным

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение объема собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти.

Важным свидетельством формирования и территориального распространения зоны Балтийско-Волжского пути являются клады арабских серебряных монет IX в. Они концентрируются вдоль рек, образовывавших Балтийско-Волжский путь, на участке от Ярославля до Финского залива, т.е. от земли мери до земли чуди, а также в важнейших центрах пути (в Ладоге, Тимерева) или поблизости от них. Тем самым они обрисовывают тот же самый регион, что и письменные источники. Ниже Ярославля по Волге клады отсутствуют полностью, а их цепочка на юг по Волго-Окскому междуречью и их концентрация в Верхнем Подонье отмечают основное направление движения восточного серебра – по Дону. Единственное исключение составляет клад из 150 дирхемов, найденный у с. Старое Альметьево (Элмед) близ Билярска (Татарстан), в котором присутствует две монеты с граффити. Одно из них идентично скандинавской руне s (Добровольский и др., 1991).

Вместе с тем в топографии кладов IX в. выделяется еще одно, хотя и значительно меньшее по числу, но тем не менее достаточно представительное их скопление к востоку от Ярославского Поволжья. Оно состоит из четырех кладов, три из которых найдены на территории Вятской губернии и один – в Удмуртии на границе с Кировской областью. По младшей монете все клады датируются первой половиной – серединой IX в.: младшая монета из клада в Лелеки чеканена в 802/803 г., из Вятского клада – в 835 г., из клада из Ягошур (1500 дирхемов) – 842/843 г., и из Лесогурского клада (Удмуртия) – 841/842 г. Эта цепочка кладов пересекает течение Вятки и достигает верховьев Вятки и Камы. Три клада отмечены в этом регионе и для X в. Вряд ли их скопление, компактное по хронологии кладов, можно считать случайным. Очевидно, верховья Вятки и Камы представляли особый регион, который, хотя и нахо-

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

дился в стороне от основных магистралей, но чем-то специально привлекал торговцев, в IX в. по преимуществу скандинавов, действовавших на Балтийско-Волжском пути (см.: Фомин, 1982, Дубов, 1989).

Благодаря археологическим раскопкам А.И. Стоянова, П.А. Пономарева и П.Н. Лихачева в 1870, 1882 и 1893 гг., им удалось выявить и исследовать курганный могильник близ с. Балымеры с остатками кремации умерших, сопровождаемых набором вещей североевропейского и местного облика. Всего археологи в разные годы вскрыли 15 курганов, в том числе один с богатым набором оружия и украшений. Материалы данного могильника неоднократно анализировались и описывались (см.: Измайлов, 2000, с. 70–86).

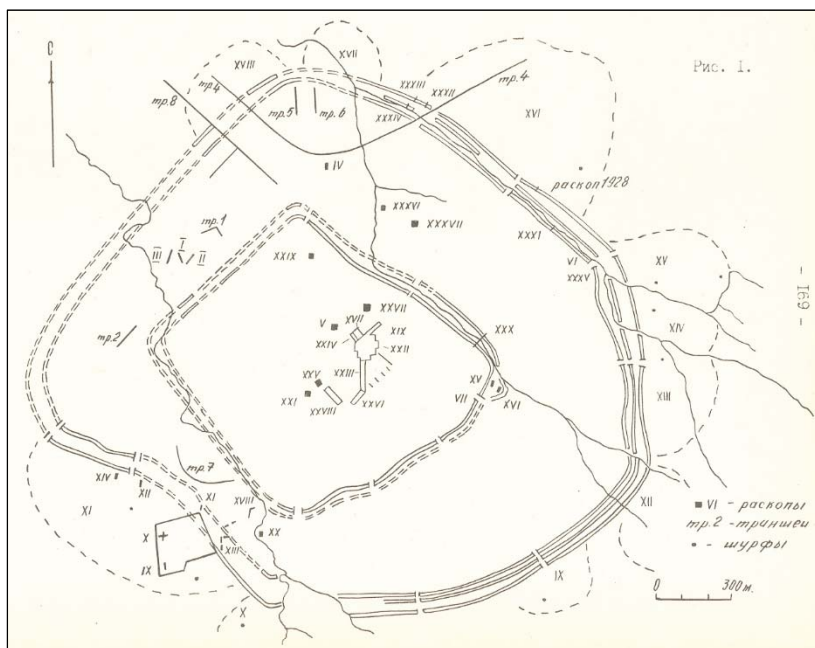
Исследователями сделан вывод о несомненном скандинавском влиянии на характерные элементы погребального обряда этого могильника, а также о их принципиальной близости обряду похорон руса, описанного в «Записке» Ибн-Фадлана. Было указано также на ряд могильников Восточной Европы (Гнездово, Михайлово, Тимерово и др.) аналогичных по всему комплексу погребальных обрядов и инвентаря Балымерским курганам. Археологические и исторические аналогии и сопоставления позволили сделать вывод, что этот могильник, как и ряд других, оставлен русами – смешанным славяно-финно-скандинавским слоем воинов и торговцев (Измайлов, 2003, с. 50–69).

Долгое время контакты со скандинавами рассматривались сквозь призму изучения этого могильника, тогда как целый ряд проблем: отсутствие скандинавских вещей в могильниках болгар VIII–X вв., роль русов в становлении ранних городов и государства, формировании военно-дружинной культуры и т.д. оставался нераскрытым. В настоящее время удалось собрать значительный материал о болгарской военной культуре, сопоставить ее развитие с процессом становления городов и государства у болгар, а также выявить роль контактов болгар с Северной Европой как социально маркирующей эти процессы признак. Весь комплекс этих находок связан с военно-дружинным бытом. Среди этого набора выделяются каролингские мечи, как редкое и дорогое оружие использовалось, в основном, знатью и воинами-профессионалами. Новые виды во-

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

оружия, не известные у булгар в VIII–IX вв. демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы характерных для феодальных обществ. Кроме того, выделяется ряд находок, связанных со скандинавским костюмом (равноплечие фибулы, кольцевидные фибулы с длинными иглами и др.). Часть этих предметов, несомненно, связана с присутствием в Среднем Поволжье женщин скандинавского происхождения.

Картографирование этих находок демонстрирует, что все они концентрируются близ раннегородских центров Булгарии: Болгар, Биляр, Бальмер, городище у сс. Старая Майна, Старые Нохраты и др. Показательно, что такая концентрация подобных социально престижных изделий характерна и для Руси, и для Венгрии в период становления государственности.

План Биярского городища (по Ф.Ш. Хузину)

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

Таким образом, экономическим фоном становления Булгарского государства стало функционирование Великого Волжского пути и караванного пути в Хорезм, приведшего к резкому обогащению булгарской клановой аристократии, а также массовый приток родственного тюркского населения из районов Подонья, Приазовья и Северного Кавказа. В зоне пути возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной дифференциации в среде местных разноэтничных племен, укрепляются старые и возникают новые потестарные институты. В условиях этого хозяйственного подъема происходило становление Булгарского государства, которое возникает во второй половине IX в., во главе которого становится Алмыш а до него отец Шилки, видимо, предводитель клана булгар.

Булгарское государство и города. Дружиной в современной историографии достаточно однозначно считается организация воинов-профессионалов, подчиненных военному вождю (король, князь), существовавшая у большинства народов в период перехода от первобытнообщинного строя к классовому. От военных отрядов, собиравшихся свободными членами племени на случай военных действий, дружину отличает ее постоянный характер и относительная независимость от потестарно-политических структур. В период складывания раннесредневекового государства дружина постепенно становится формой организации служилой части господствующего класса, особым социальным слоем знати, отличающегося от родоплеменной верхушки. Военно-служилая знать, объединенная в княжеской дружине играет важнейшую роль в процессе становления феодального общества, являясь его военно-политической основой и обуславливая тем самым военно-служилый характер власти.

Говоря о дружине необходимо остановиться на вопросе о времени ее появления у волжских булгар. Судя по новейшим археологическим и историческим данным, нет сомнений в появлении дружины на последнем этапе первобытнообщинного строя в эпоху классовобразования. Характерными предпосылками возникновения подобных военно-иерархических структур являются высокий уровень производительных сил, способность общества производить

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

достаточное количество прибавочного продукта, возникновение частной собственности на средства производства и продукты труда, обособление семьи, формирование общественных классов и связанные с ними эксплуатация непосредственных производителей с целью извлечения прибавочного продукта. Весь этот комплекс причин способствовал становлению надобщинных органов управления, в том числе дружины, которые пройдя длительный этап социальных изменений, совершили революционный скачок к появлению классового государства.

Новый этап в развитии дружины несомненно связан с коренными переменами в болгарском обществе, которые были вызваны устойчивым экономическим подъемом, возникновением городов и торгово-ремесленных поселений, включением Среднего Поволжья в мировую торговлю по Волжско-Балтийскому торговому пути и сложение болгарского государства. К сожалению, только на археологическом материале проследить процесс эволюции дружины очень сложно, т.к. параллельно со становлением государства в культуру болгар в том числе и погребальную обрядность, активно внедрялся ислам. Материалы из раскопок ряда могильников (Танкевский, Тетюшский) позволили Е.А. Халиковой прийти к выводам о прекращении функционирования языческих погребальных обрядов в конце X – начале XI вв. Однако, городские могильники – в первую очередь билярские – с самого начала своего существования были мусульманскими, что позволяет, наряду с другими фактами, говорить о мусульманизации социальных верхов, в том числе и дружины уже с начала X в. (Халикова, 1976, с.113–168; Халикова, 1986, с. 137–152). Продолжающие существовать языческие некрополи (Танкевка, Тетюши), причем без резких изменений в обрядности, видимо, указывают на то, что племенные группировки, их оставившие, в течение X находились вне магистрального развития болгарского общества.

Важные доказательства дают материалы раскопок поселений, в первую очередь ранних городов. Среди этих находок особую маркирующую роль играют находки каролингских мечей. Все они довольно компактно располагаются в Западном и Центральном Закамье близ средневековых городов Болгара и Биляра (см.: Кирпичников,

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

1966; Измайлов, 1997, с. 34–53; Кирпичников, Измайлов, 2000, с. 190–206). Вместе с мечами и их фурнитурой на этих же поселениях встречены другие предметы дружинного вооружения западного облика: полушаровидные умбоны от круглых щитов, широкие удлиненно-треугольные копья, шпоры, – которое является свидетельством определенного западного импульса в болгарском войске (см.: Измайлов, 1997, с.131–138). Носителем этих военных инноваций у болгар, были, несомненно, дружины русов. Очень интересно в этой связи Балымерское курганное погребение, обряд захоронения которого – трупосожжение на стороне и помещение остатков кремации вместе с погребальным инвентарем, находит аналогии с погребениями Гнездовского, Тимеровского и Михайловского могильников и датируется первой половиной X в. (Измайлов, 1999, с.94–100; Измайлов, 2000, с.70–86). Присутствие в это время русов в Среднем Поволжье зафиксировал в своих записках Ибн-Фадлан, который отметил их лагерь около ставки правителя болгар, а также описал похороны одного из их вождей. Несомненно, что часть дружин русов в качестве наемников входила в армию болгарских князей, подобно тому, как дружины славян и русов служили хазарскому кагану или византийскому императору (Измайлов, 2003, с.50–69).

Таким образом, предметы вооружения, особенно западных типов, являются наиболее ярким индикатором наличия военной организации нового типа – профессиональной феодальной дружины с синкретичной культурой, о чем говорят находки древнерусских, финно-угорских и скандинавских украшений. Одним из ярких свидетельств этого может служить также одно из Балымерских курганных погребений с явно гибридным инвентарем. Судя по всем этим данным, именно в ранних городах фиксируется в X – начале XI в. наличие феодальных дружин, которые представляли собой многоэтнический слой с преобладанием тюрко-булгарского субстрата, который по степенно вырабатывал свою классовую эклектичную культуру.

Археологические свидетельства о концентрации дружины около городских центров не случайны и характерны для многих государств Европы того времени. Этот процесс объективно связан с консолидацией дружинных элементов на базе ранних городов, ко-

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

торые в Булгарии X в. были, прежде всего, центрами политической власти – резиденциями князей и их дружин. Некоторые данные об этом дают арабо-персидские источники, которые, видимо, для первой половины X в. отмечают наличие двух городов: Болгара и Суvara. В этих городах «живут ... мусульмане, по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными», в некоторых источниках речь идет о «конных воинах» (Бартольд, 1973, с. 545; Захедер, 1967, с. 36, 37). Есть основания полагать, что города Болгар и Сувар были центрами государственных образований со своей военной административной структурой, на что указывает факт чеканки собственной монеты с именем своего правителя. Судя по данным археологии, самые ранние города, возникшие в Булгарии – это целый ряд пунктов по берегам Волги и Камы от современного Чистополя до Старой Майны, а также бассейн р. Малый Черемшан и бассейна р. Свяги в средней его части. Здесь обнаружены самые ранние находки, позволяющие говорить о начальных этапах становления раннегородской структуры уже в начале X в. Вокруг этих городских пунктов – Биляра, Болгара, Суvara и других возникает и расширяется сельскохозяйственная округа.

Важной функцией городов, обусловленной наличием там двора правителя и его дружины, было также потребление, переработка и распределение прибавочного продукта (через ремесло и торговлю) для удовлетворения потребностей военно-феодальной знати. Изъятие этого прибавочного продукта и накопление богатств дружинной знатью происходило посредством захвата военной добычи и рентыналога. Восточные источники неоднократно сообщают о войнах болгар с буртасами и другими соседями. Ибн-Фадлан прямо пишет о характере взаимоотношений между правителями и его войском: «если же он предложит отряду /совершить/ набег на одну из стран, и он награбит, то он /царь/ имеет долю вместе с ними» (Ковалевский, 1956, с. 136). Несомненно, как это было в случае с буртасами, покоренные племена облагались данью. Другим способом получения части прибавочного продукта был налог. По данным разных источников правитель получал «с каждого дома шкуру соболя», подать со свадьбы и десятину от всех привозных товаров (Ковалевский, 1956, с. 136). Правитель имел право на регулярный сбор дани

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

со всего населения, а также таможенные и другие сборы. Важно указать на то, что дани и подати Алмыш собирал в виде меха и пушнины, что указывает, что тем самым он становился крупнейшим собственником товаров, которые шли на экспорт и имели значение для международной торговли.

Важнейшим шагом на пути консолидации общества внутри государства принятие ислама булгарами в качестве государственной религии. Можно прямо сказать, что процесс возвышения государства булгар шел практически одновременно с внедрением ислама. Уже в IX в. ислам проникает в среду населения Среднего Поволжья и в начале X в. его, очевидно, принимает Алмыш и болгарская знать. Верхушка булгар принимает ислам под влиянием государства Саманидов, хотя нельзя исключить участие в этом мусульманской гвардии Итиля. Уже в 920-е гг. ислам становится государственной религией, что подчеркиваю арабо-персидские авторы и начало чеканки монет по мусульманским образцам. Мусульманами является, судя по данным археологии, практически все городское население. Язычниками до определенной поры остаются некоторые подчиненные булгарам племена – эсегел, сувар (савар). Но они оттеснены на периферию общественной жизни и постепенно мусульманизируются.

По мере усиления экономической власти и военной мощи, а также на фоне ослабления власти Хазарского каганата, росло стремление эльтебера Алмыша добиться независимости от хазарских каганов, которым он вынужден был платить дань и давать в заложники своих детей (сына и дочь). В 912/3 г. булгары поддержали мусульман Итиля, подстрекаемых Саманидами, в разгроме похода русов на Каспий, хотя правители хазар пытались договориться с ними. Этот шаг показывает, что булгары пытались поставить под свой контроль стихию варяжских дружин, совершавших походы по Волге, а также их стремление заручиться поддержкой мусульман в противоборстве с Хазарией. Новым шагом на пути признания независимости стал обмен посольствами между Булгарией и Багдадским Халифатом в 921–922 гг., когда произошло дипломатическое признание нового мусульманского государства на севере ойкумены. Дальнейшие шаги Булгарского государства показывают, что его

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

правители фактически добились независимости от хазарских каганов, но до определенного времени формально находились в орбите их власти.

Булгария после Алмыша: к единому государству. Дальнейшее становление Булгарского государства и его институтов слабо документировано письменными источниками, но может быть в основных чертах определено.

В реконструкции событий можно в определенной мере опираться на нумизматический материал. Монеты свидетельствуют, что в 930–40-е гг. после смерти сына и наследника Алмыша, Микаила ибн Джафара, Булгария распалась на два владения – Болгарский и Суварский (видимо, во главе с племенем сувар) эмираты. Восточные источники стабильно упоминают два города Болгар и Сувар, а монеты чеканятся в каждом из них отдельно. Например, ал-Истахри (930–933 гг.) писал: «Булгар – имя города, и они (булгары) мусульмане, в (городе) соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей» (Заходер, 1967, с. 37). Очевидно, без новых источников мы не сможем достаточно отчетливо понять являлись ли эти города центрами независимых владений, либо это центры крупных земель булгар, по типу того, как на Руси им были Киев и Новгород.

Однако нет никаких оснований видеть в этом распаде стремление сувар сохранить язычество, поскольку восточные источники особо подчеркивают, что в обоих городах есть мечети и живут там «воители за веру». По монетам выделяется династия Ахмедидов (Микаил, Талиб и Мумин) из Суvara (970-е гг.). Очевидно, на этот период пришлось какие-то взаимоотношения с русами, атаковавшими прикаспийские провинции Халифата в 944/5 гг. и столкновения с Русью в 965–968 гг., зафиксированные у ал-Истахри и Ибн Хаукала. Возможно, и в том и другом случае булгары не смогли противостоять движению флота русов по Волге или эти походы шли в обход булгарских земель через бассейн Дона и Нижнюю Волгу.

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

Разгром Хазарского каганата войсками Святослава в 965–968 гг. привел к усилению правителя Болгарского эмирата Мумина ибн ал-Хасана (возможно, потомок Алмышы), который подчинил Сувар и стал чеканить монеты исключительно в Болгаре (976–980/1 гг.). Сувар, вероятно, становится какой-то административно-территориальной единицей (вилайет) единого государства. Так, около 980 г. в Среднем Поволжье возникло единое Булгарское государство.

Этот новый этап в истории Булгарского эмирата можно охарактеризовать территориальным расширением, укреплением авторитета эмирской власти и утверждением исламской идеологии, окончательным преодолением племенного партикуляризма, созданием общегосударственных институтов власти и утверждением феодальных отношений, основанных на государственной собственности на землю.

Единое государство смогло создать эффективную военно-политическую систему, которая смогла противостоять укрепляющейся Киевской Руси. Булгарский эмират выдержал противостояние с Киевом и утвердил свой авторитет на международной арене подписанием договора о мире с киевским князем Владимиром I (985 г.). Примерно в конце X в. Булгария подчиняет земли буртас в Посурье и становится одной из ведущих средневековых государств Восточной Европы. К этому времени относится полное утверждение ислама на всей территории Булгарии, где прекращают функционировать все языческие могильники. Закончился процесс становления государства и его этнополитической, сословно-потестарной и административно-правовой системы. Булгария становится средневековым мусульманским государством.

Булгария и становление болгарской этнополитической общности. Каков же был механизм формирования болгарского этноса? Огромное значение в консолидации болгарской этнополитической общности сыграло официальное, на государственном уровне принятие ислама (900–20-е гг.), становление своего историописания, а также расширение политических, экономических и культурных связей с внешним миром (исламские страны Востока, Хазария,

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

Русь). Судя по историческим и археологическим данным, уже с конца X в. Булгария стала страной «классического ислама», где жили и творили многие крупные ученые и богословы. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе, о чем с удивлением сообщали восточные авторы. Ислам давно, уже с конца IX в. проникал в духовную культуру общества, изменив ее тюркские традиции и оттеснив языческие культы в область суеверий. Утверждение на всей территории страны унифицированной культуры мусульманского типа способствовало формированию основных черт этнополитической булгарской общности.

В условиях развитого средневекового государства шло становление и развитие городов и целой сети сельских поселений. В отличие от более раннего добулгарского населения булгары имели другую экономическую базу, навыки агрикультуры и, что особенно важно, сама структура поселений у них была совершенно другой. Основой ее были города с набором политических, хозяйственных и религиозных функций, а сами города возникают нередко не только как городища мысового типа, а как равнинные города с двухчастной внутренней структурой (например, Билярское, Богдашкинское и Суварское городища). Вопрос о возникновении, функциях и социальной топографии булгарских городов достаточно хорошо изучен. Для нас важно только подчеркнуть, что начальный этап возникновения городов относится к первой трети X в., а их становления на 20–50-е гг. X в. Для этого периода в нашем распоряжении есть не только надежные данные археологии, но и недвусмысленные указания письменных источников. Все это заставляет считать, что процессы становления мировой торговли, возникновения булгарского эмирата и формирования городов протекали синхронной и в основных чертах получили завершение во второй трети X в.

В городах формировалась культура городского типа, вырабатывалось наддиалектное городское койне (скорее всего, на основе тюркского языка кыпчако-огузского типа) и нормативный литературный язык. Проблема языка волжских булгар до сих пор остается дискуссионной. Наиболее аргументировано мнение о том, что в этот период на территории Булгарии функционировало два языка. Один – собственно «булгарский» – был огузского типа (тюркский

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

язык с ротацизмом, ламбдаизмом и др. архаичными чертами), который использовался какой-то частью болгарской аристократии, возможно, в ритуальных (сакральных) целях (о чём свидетельствуют надгробные эпитафии XIII–XIV вв. с территории Булгарии с текстами, написанными на этом языке арабской графикой (Хакимзянов 1978; Зарубежная тюркология, с. 18–23). Окончательное исчезновение этого языка произошло лишь в период Золотой Орды (вторая половина XIV в.), причем под воздействием как этнических процессов, так и экстралингвистических факторов – эпидемия чумы. Другой – болгаро-кыпчакский (огузо-кыпчакского типа) был наиболее распространен среди населения страны и стал основой общегородского наддиалектного койне, на базе которого под влиянием среднеазиатских (караханидских) традиций сформировался болгарский литературный язык (О различных диалектах в среде болгарских племен см.: Хакимзянов 1987, с. 5–12). Это способствовало становлению этнополитического самосознания болгар, характерными элементами которого были мусульманское сознание, подданство правителям Булгарии, историческая традиция и т.д. (традиция Иакуба ибн Нугмана «Таварих-и Булгар» («История Булгарии»)) (Измайлов, 2000а, с.99–105). В силу ряда обстоятельств цельные исторические хроники болгар до нас не дошли. Однако некоторые фрагменты именно об этом эпизоде «начала истории» сохранились в болгарской исторической традиции и в поздних устных и письменных исторических преданиях татар, что позволяет в определенной мере реконструировать представления самих болгар о происхождении своего государства, народа и правящей династии, и своей исторической миссии.

Представления о принятии ислама и создания мусульманского государства являлись базовыми, основополагающими в системе болгарской исторической традиции. Войдя в исламскую ойкумену, болгары приняли ее богатый художественный язык, символические образы, но при этом в качестве важнейших артикулирующих приняли мифологемы «начала истории государства» и «бремени истории», трактуемых не только в прозелитическом, но и в мессианском духе, что нашло отражение и в фольклоре, и в исторической традиции. При этом следует отметить, что сам механизм возникновения и

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

развития болгарского государства, как он вырисовывается из анализа всего комплекса источников, дает совершенно другую картину, нежели та, что сохранили болгарская историческая традиция и предания. Идеальное представление о начале своей истории как бы заслонило и в народной памяти, и в историографии реальные обстоятельства событий.

Время возникновения легенд о принятии ислама булгарами и закрепление их в историографической традиции определить трудно. Однако можно наметить время, когда этот процесс, видимо, активно протекал. В конце X в. на всей территории Булгарии исчезают языческие могильники, т.е. сложилась единая этнополитическая и этноконфессиональная общность, а в середине XII в. мы знаем о существовании «Истории Булгарии» – наиболее последовательного воплощения самосознания болгарского этноса. И само это сознание не было выражением, отстраненного от народа книжника, а результатом внутренних механизмов развития народа, в числе которых принятие ислама и осмысление этого факта в устном предании и письменной традиции сыграло ключевую роль.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные выше аспекты сознания, несомненно, достаточно точно характеризуют данную общность через призму ее собственных взглядов и позволяют считать, что часть населения Среднего Поволжья X–XIII вв., в первую очередь этносоциальная верхушка общества, осознавшая себя связанной определенными обязательствами с правящей династией (возможно, даже связанная между собой родственными, внутриплеменными связями) и подвластная ей, исповедующая ислам и следующая своей особой миссией в мусульманском мире, жившее в пределах одного государства и считавшее его землей для себя отчизной, – это население, определено, называло себя «булгарами». Эти черты, характеризующие болгарское сознание, и были зафиксированы в официальной историографической традиции. Иными словами, культурно-политическое единство этноса базировалось не столько на наборе неких объективных факторов, сколько на осознании своей общности по принципу родства, актуализированного через определенные мифологемы, в которых важнейшую

ОЧЕРК III. Волжская Булгария:
фактор урбанизации в становлении государства

роль играли мусульманские мотивы и сознание своего пограничного положения на краю культурной ойкумены.

Таким образом, можно сделать несколько важнейших выводов. Во-первых, развитие цивилизации в Волго-Уральском регионе самым прямым образом связано с возникновением и расцветом международной торговли по трансевразийским торговым магистралям. В IX–X вв. – это, в первую очередь, Волго-Балтийский торговый путь. Во-вторых, становление городов и городской цивилизации идет вслед за установлением этим торговых путей и непосредственно связано с ними. В этой связи для данного региона особую важность приобретают мысли великого русского историка В.О. Ключевского о «торговом» пути происхождения городов. Думается, что материалы нашего региона полностью подтверждают сделанные им более ста лет назад выводы. В-третьих, поволжские города в полной мере могут быть названы термином, который применил другой русский историк античности и археолог Михаил Иванович Ростовцев применительно к городам Ближнего Востока, назвав их «караванными городами». Соответственно расцвет, подъем и упадок их можно связывать не только с ослаблением государственной власти или природными причинами, а пульсацией торговой активности на разных направлениях. В-четвертых, возникновение городов ведет к укреплению политической власти, осуществляющей контроль над этими магистралями и усложнением социальной структуры общества, развитием культуры и установлением связей с базовыми центрами цивилизации. Происходит расширение границ ойкумены и затягивание в ее орбиту областей «третьего» и «четвертого» миров. Соответственно, страна, ставшая очагом новой социально-политической системы, становится системообразующим центром для тяготеющего к ней региона. В-пятых, развитие городской цивилизации и развитие социальной структуры общества ведет к формированию устойчивой этнополитической общности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, если мы говорим о тюркской цивилизации в широком плане, то конечно это вторичная цивилизация и сложность этой цивилизации состоим в том, что она очень большая и разбросана по северной Евразии и поэтому испытала значительное влияние многих культур еще с эпохи глубокой древности и, имея определенный культурный контент, испытывала влияние местного субстрата и позднего суперстрата. В первую очередь, конечно, следует указать на сильное влияние китайской и иранской цивилизаций, а также, в определенной степени, индийской цивилизации, благодаря взаимодействию в составе, например, того же Кушанского царства и позднее, вплоть до Великих Моголов. На территории восточной Европы и Анатолии же был совершенно другой культурный фон. Здесь происходило взаимодействие тюркской цивилизации с местным субстратом, среди которого надо выделить эллинистическую и римскую (византийскую). То есть, просто сказать, что татарская цивилизация восходит к тюркской цивилизации, будет явно недостаточно.

Применительно к татарской цивилизации необходимо использовать более сложные дифиниции и объяснительные модели. Поэтому, если говорить об Улусе Джучи, как об особой цивилизации, то, мне кажется, надо иметь в виду теорию **трех цивилизационных кругов**.

1. Тюркский круг, который имеет глубокую длительность, свои архетипы сознания, свои какие-то культурные и общественно-политические особенности, свою динамику развития и, несомненно, нужно включить в эту тюркскую цивилизацию периоды, начиная с Тюркской империи (а, возможно, уже и с Гуннской державы) и включать, конечно, в ее последовательный ряд других тюркских государств, в том числе Хазарский каганат, Великую Болгарию и т.д. В этом контексте будет ясно место этой цивилизации в системе диахронных и синхронных культур.

2. Мусульманский круг, дает второй культурный круг, который в значительной степени перекрывает первый. Ведь территория, где

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

развивалась Золотая Орда издавна входила в орбиту арабо-мусульманской цивилизации, очевидно уже с VII–VIII веков и мы никак не можем отказаться от этого огромного и во многом определяющего культурного влияния, которое проявлялось в языке, религии, письменности и других элементов духовной культуры. Этот круг вписал тюрко-татарскую цивилизацию в систему мировых цивилизаций и придал ей особую утонченность и глубину.

3. Третий круг, это, конечно же, субстратные явления, которые придали тюркским традициям особый европейский колорит. Прежде всего, это связано с взаимодействием с финно-угорскими, иранскими народами и их культурами.

Область пересечения всех этих культурных кругов и должен дать ареал тюрко-мусульманской цивилизации. Объединяющим же все эти круги будет государственность и социально-политические традиции. Если смотреть на проблему шире, то в цивилизационном аспекте, он должен перекликается с такими понятиями как социальный строй, политическое устройство и государственная идеология. Разумеется, это только самый общий взгляд на предмет. Понятно, что совместив три этих цивилизационных круга, мы получим тюрко-мусульманскую цивилизацию в чистом виде, однако навести этот фокус достаточно трудно и сложно.

Города и урбанистическая цивилизация являются неотъемлемой частью тюрко-татарской культуры с глубокой древности. Исторические факты свидетельствуют о том, что кочевые империи Великой степи умели не только покорять страны, но и выстраивать жизнеспособные социально-политические организмы. Основные параметры древней цивилизации евразийских степей является комплексное хозяйство с ведущей ролью скотоводства, но при любых условиях определенная группа степного населения всегда занимаясь земледелием и ремеслами, в том числе добычей полезных ископаемых и металлургией. Места сосредоточения оседло-земледельческого и ремесленно-торгового люда в некоторые исторические эпохи имели значительные размеры.

Вместе с развитием политических институтов власти, в степной Евразии уже с хуннской эпохи шли процессы урбанизации. Важнейшим фактором становления городов и оседлости в евразий-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ских степях являлась военно-политическая стабильность. При ее сохранении на достаточно длительный срок неизменно возникают города и зоны земледелия и ремесленные центры. Становление городской культуры является результатом включения в процессы мировой торговли, соединившей регионы евразийского континента. Городская цивилизация идет вслед за установлением инфраструктуры торговых путей и непосредственно связано с ними.

Возникновение городов является закономерным и естественным процессом для кочевого и оседлого населения степей Средней Евразии. Тюрки являлись частью этого процесса, охватившего в период средневековья всю степную Евразию. Они создавали города в период Уйгурского каганата – Орду-Балык и Бий-Балык. Активно стала развиваться система городов по мере расширения Великого Шелкового пути на запад.

Особенно ярко эти процессы проявились в Волго-Уральском регионе. Включение в крупномасштабную международную торговлю по волго-балтийскому торговому пути послужило мощным источником экономического роста. Самые ранние города болгар, возникшие в Поволжье – это целый ряд пунктов по берегам Волги и Камы – образовавшиеся под влиянием Великого Волжского пути. Здесь обнаружены самые ранние свидетельства, позволяющие говорить о начальных этапах становления городской структуры уже в начале X в. – города Биляр, Болгар, Сувар и других, а также возникает и расширяется сельскохозяйственная и торгово-ремесленная округа. В городах складывается система духовного образования и богословия.

На территории Волжской Булгарии локализуются десятки городов известных по письменным источникам и археологическим данным (около 150 городищ). Среди них выделяются остатки крупных городов: Болгар, Биляр, Сувар, Ошель, Брахимов, Тухчин, Буртас(?) и др. Существовали многочисленные укрепленные поселения, а также сельские поселений (более 800). В X в. в Болгаре и Суваре чеканилась своя монета. Самый крупный столичный город Биляр («Великий город» русских летописей), достигал почти 800 га и численностью населения (до 50 тыс.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Градостроительства болгар восприняла традиции тюркских государств (Тюркские каганаты, Великая Болгария, Хазария), а также стран мусульманского Востока и Руси. Крупные города средневековой Булгарии часто имели круговую планировку, не подчиненную рельефу местности и делились укреплениями на внутренний и внешний город. Внутри города имели усадебную планировку. Строились каменные или кирпичные дворцы, караван-сарай, мечети, бани, мавзолеи и другие общественные здания. Массовая застройка городов состояла из наземных деревянных жилищ, а также хозяйственных и производственных построек.

В дальнейшем развитие тюркской цивилизации переживало то всплески роста, то падения в результате природно-экологических и военно-политических событий, но при этом основные базовые параметры, культурное ядро при всех внешних социально-политических переменах оставалось неизменным и являясь основой ментальных структур большой длительности. Новый всплеск культурных трансформаций связан уже с влиянием европейской модернизации и становлением нации, а также национальной культуры на основе комплекса ранних традиций. Гибкость и, главное, способность к серьезным изменениям вывело татар в число современных урбанизированных наций, способствовало укреплению идентичности, что позволило ей пережить все суровые катаклизмы XX века.

Немногие локальные цивилизации смогли сохранить свою самостоятельность и своеобразие в условиях динамично меняющегося мира, модернизации и глобализации, стирающей цивилизационные и культурные границы. Тюрко-мусульманская (как и ее часть – татарская) цивилизация, пройдя длительный период развития и адаптации, через подъемы и спады, демонстрирует способность к внешней модернизации при сохранении своего культурного ядра и национально-культурных идентичностей. Истоки всех этих процессов кроются в прошлом татар, их взаимодействии с великими цивилизациями – арийской и китайской, а также более чем полутора тысячелетней историей становления и развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андрианов Б.В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1985. 282 с.

Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // Советская этнография. 1968. №2. С.23–33.

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // Советская этнография. 1975. №3. С. 15–26.

Арнольди С.С. (Лавров П.Л.) Цивилизация и дикие племена. 2-е изд. М., 2011. 266 с.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.

Бартольд В.В. Введение к изданию «Худуд ал-алам» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С.504–545.

Бартольд В.В. Очерк истории Семречья. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943. 104 с.

Барфильд Т. Дж. Опасная граница: Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб.: Фак-т филол. и искусств СПбГУ, Нестор-История, 2009. 488 с.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.

Бернтшам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Советская археология. Т. IX. 1949. С. 337–384.

Бернтшам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: Казогиз, 1941. 66 с.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 141 с.

Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М.: Прогресс, 1967. 424 с.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII – середины XIII веков. М.: Наука, 1984. 345 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л.: Наука, 1983. С.32–45.

Боровкова Л.А. Народы Средней Азии III–VI веков (по древним китайским и западным источникам). М.: ИВ РАН, 2008. 368 с.

Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским источникам). М.: Наука, 1992. 184 с.

Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.: ИВ РАН, 2001. 368 с.

Боталов С.Г. Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. №28 (166). История. Вып. 34. С.13–19.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Изд-во «Весь мир», 2006. 592 с.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // Сов. Этнография. 1976. №3. С.137–149.

Варенов А.В. Древнекитайская письменная история и археология в конце эпохи Шан-Инь // Древность: историческое знание и специфика источника. М.: Изд-во АН СССР, 1996. С.24–27.

Васильев Л.С. Древний Китай. Т. I. М., 1995. 379 с.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. 327 с.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., Наука. 1976. 368 с.

Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka Press, 2016. 108 с.

Вып. 1. М.: 1968. 177 с.

Ганбат Н., Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л., Улзийбаяр С., Батсурен Б., Беляев А.В., Очир Б. Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средневековый город Байбалык): предварительные итоги // Археология евразийских степей. 2020. №6. С.179–192.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. I–VII. Пер. с англ. Н.В. Неведомского. М.: Академический проект, 2021.

Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

Гуляев В.И. Города-государства майя (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). М.: Наука, 1979. 304 с.

Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М.: Вост. лит., 1960. 291 с.

Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2003. 576 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Том 1. Иволгинское городище. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995. 97 с.+188 табл.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.

Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2010. 762 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Данилов С.В. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С.15–30.

Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Города эпохи хунну на востоке Монголии // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т.17. С.74–93.

Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур, 2007. 360 с.

Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 689 с.

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 192 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 256 с.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 234 с.
- Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание на Енисее // ВДИ. 1946. №1. С.107–111.
- Евтюхова Л.А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1954. С.195–224.
- Зарубежная тюркология. Вып. 1. М.: Наука, 1986. 384 с.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967. 212 с.
- Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Наука, 2000а. С.99–105.
- Измайлов И.Л. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этносоциальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Мат-лы между. симпозиума. Казань: Из-во «Мастер-Лайн», 1999а. С.94–100.
- Измайлов И.Л. Балтийско-Волжский путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». г. Казань, 5–14 августа 2002 г. Часть II. Казань: Мастер Лайн, 2003. С.69–78.
- Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и «руссы» на Волге: проблемы и дискуссии // Великий Волжский путь. Материалы II-го этапа научно-практической конференции «Великий Волжский путь». 28–29 августа 2000 г. Казань: Мастер Лайн, 2000. С.190–206.
- Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.: Изд-во «Вести», 2000. С.70–86.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X–XIII в. Казань; Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И.Л. Образование Булгарского государства // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во РухИЛ, 2006. С.336–367.

Измайлов И.Л. Этнополитическое развитие Волжской Булгарии в IX–XI вв.: фактор урбанизации // Болгарский форум I. Материалы Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., Болгар). Казань: «Фолиант», 2011. С.97–108.

Казakov Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Булгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 1999. С.64–73.

Казakov Е.П. К проблемам этнокультурной ситуации VII в. н.э. в лесостепи Урало-Поволжья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. ТД МАК. Самара: Самарский обл. краеведческий музей, 2008. С.43–45.

Казakov Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Камолитдин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент: Шарк, 2006. 192 с.

Камолитдин Ш.С. О градостроительной культуре у древних тюрок // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С.354–374.

Каримова Р.У. Роль и значение городов Центральной Азии в период средневековья // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С.374–384.

Киданьский город Чинтолгой-бадгас. Под ред. Н.Н. Крадина. М.: Вост. лит., 2011. 173 с.

Кирпичников А.И. Древнерусское оружие. Вып. I: Мечи и сабли IX–XIII вв. М., Л.: Наука, 1966. 107 с.

Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волж-

ского пути». г. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань: Мастер Лайн, 2001. С.9–31.

Кирпичников А.Н. О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам в Старой Ладогe) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань: Мастер Лайн, 1999. С.107–115.

Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л. Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан) // Средневековая Казань: возникновение, развитие. Мат-лы межд. научной конференции. Казань: Мастер Лайн, 2000. С.207–218.

Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В. Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1981. № 164. С.3–10.

Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1980. № 160. С.24–38.

Киселёв С.В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. №2. С. 91–101.

Киселёв С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. №4. С. 370–371.

Кляшторный С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: ВЛ, 2000. С.120–125.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская цивилизация в свете древнейших тюркских текстов // Взаимодействия и взаимовлияния цивилизаций и культур на Востоке. М.: Наука, 1988. С. 166–167.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С.560.

Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, 1981. С.117–138.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кляшторный С.Г. Ордубалык: рождение городской культуры в Уйгурском каганате // Древние культуры Евразии. СПб.: «Инфо-ол», 2010. С. 276–279.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. 256 с.

Крадин Н.Н. Динамика урбанизационных процессов в средневековых государствах Дальнего Востока // Сибирские исторические исследования. 2018. №2. С.7–23.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.

Крадин Н.Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С.21–32.

Крадин Н.Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2021. 336 с.

Крадин Н.Н., Иевлев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Эрдэнболд Л. Результаты исследования городища Хэрмэн Дэнж в 201 г. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып.2. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технич. ун-та, 2011. С.430–440.

Крадин Н.Н., Кан Ин Ук. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Russian Studies. 2011. 21–2. С.309–349.

Крюков М.В. Истоки расистских идей в древности и средневековье // Расы и общество. М.: Наука, 1982. С.8–20.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. 414 с.

Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблема этногенеза. М.: Наука, 1978. 343 с.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит., 2006. 360 с.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Вост. лит., 2001. 176 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М.: Изд-во МГУ, 1993. 134 с.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. №4. С.3–17.

Легран Ж. Кочевые формы городов в степных кочевых империях // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С.331–336.

Лейри М. Раса и цивилизация // Расовая проблема и общество. М., 1957. С.19–75.

Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. 1978. №4. С.84–99.

Литвинский Б.А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М.: Вост. лит., 2000. С.13–217.

Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и средневековье. М.: Наука, 1988. С.352–391.

Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. 228 с.

Майлз Р., Браун М. Расизм. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 447 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 451 с.

Маявкин А.Г. История Восточного Туркестана в VII–X вв. // Восточный Туркестан в древности и средневековье. М.: Наука, 1988. С.297–351.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.

Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань: Мастер Лайн, 1989. С.80–87.

Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров: КГОИАЛМ, 1997. С.132–139.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С.24–38.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986. № 5. С.63–77.

Могильников В.А. Тюрки. Кимаки. Сроскинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, М.: Наука, 1981. С.29–46.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. 1970. Вып. 15. С.51–61.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры / Гешарим, 1999. 249 с.

ПСРЛ. Т. II. – Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Наука, 1962. 648 с.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.

Ростовцев М.И. Караванные города. СПб.: Фак-т филол. и искусств СПбГУ, Нестор-История, 2010. 216 с.

Савинов Д.Г. Южная Сибирь // Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблема исторических контактов). М.: Наука, 1978. С.128–145.

Сайко Э.В. Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV–II тыс. до н.э.). М.: Наука, 1996. 207 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сайко Э.В. Урбанизация как социокультурный процесс в стадийной характеристике исторического развития (переход от доклассового общества к классовому) // Методические проблемы исследования становления и развития древнего города. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. С.11–82.

Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. 390 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркского языка. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.

Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л., Ганбат Н. Археологическое изучение уйгурского городища Бийбулаг в Монголии в 2018–2019 гг.: предварительное сообщение // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Кн.1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С.63–64.

Смирнова О.И. К имени Алмышы, сына Шилки, царя Булгар // Тюркологический сборник 1977. М.: Наука, 1981. С.249–255.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанкова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2011. 228 с.

Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1993. С.53–63.

Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюков. М.: Вост. лит-ра, 2007. 208 с.

Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. (в 9-и т.): Т. IX. Пер. с кит. и коммент., под ред. А.Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 2010. 623 с.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Наука, 1973. 171 с.

Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. Сост. под рук. А.Н. Бернштама. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 160 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тулущ Д.К. Городская культура кочевников степной зоны Евразии в эпоху ранних тюрков: к постановке проблемы исследования // Археология евразийских степей. 2021. № 2. С.338–345.

Удальцова З.В. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского // Византийский временник. 1972. Т.33. С.47–74.

Узянов А.А. Специфика урбанизационного процесса в условиях пограничных зон в раннем средневековье (к проблеме дифференцированного подхода к уровням и формам процесса) // Методические проблемы исследования становления и развития древнего города. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. С. 141–170.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958. 294 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. М.: Наука, 1968. 152 с.

Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2011. 264 с.

Фомин А.В. Начало обращения куфических монет в районе Балтики // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1982. № 171. С.16–21.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб.: Филол. факультет СПбГУ 2008. 512 с.

Хазанов А.М. Кочевники и города в Евразийском степном регионе и соседних странах // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С.318–330.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М.: Наука, 1975. 336 с.

Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 192 с.

Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 208 с.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 220 с.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С.113–168.

БИБЛИОГРАФИЯ

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

Худяков Ю.С, Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С.85–94.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. 130 с.

Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С.84–89.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 480 с.

Чайльд Г. Прогресс и археология. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 195 с.

Черняк Е.Б. Цивилиография: наука о цивилизации. М.: Международ. отношения, 1996. 382 с.

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.

Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т.1. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 552 с.

Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989. 448 с.

Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М.: Наука, 1980. 333 с.

Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб.: Наука, 2001. 148 с.

Ястребицкая А.Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // Средние века. 1988. Вып. 51. С.59–80.

Ястребицкая А.Л. О специфике средневековой европейской урбанизации: малые города // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 191–197.

БИБЛИОГРАФИЯ

Barfield Th. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1989. 325 p.

Childe G. *The Urban revolution* // *Town Planning Review*. 1950. Vol. 21. Pp.3–17.

De Cosmo N. *Ancient China and its enemies*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. 369 p.

Golden P.B. *Nomads and their sedentary neighbors in Pre-Činggisid Eurasia* // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1987–1991. Vol. VII. p. 41–82.

Golden P.B. *Khazar studies. An historic-philological inquiry into origins of the Kazars*. Vol. 1–2. Budapest, 1980. 292 p.

Khazanov A.M. *Nomads and the Outside World*. Bloomington: Wisconsin Univ. press, 1983. 442 p.

Khazanov A.M. *Steppe nomads in the Eurasian trade* // *Chungara Revista de Antropologia Chilena*. 2019. Vol.51. №1. Pp.85–93.

Krader L. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague, 1963. 412 p.

Minorsky V. *Tamim ibn Baħr's Journey to the Uyghurs* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1948. Vol. 12. Pt.2. pp. 275–305.

Noonan Th. *The Khazar Economy* // *AEMAe*. 1995–1997. № 9. Noonan, 1995–1997, p. 253–318.

Noonan Th. *What can Archaeology tell us about the Economy of Khazaria* // *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies*. Ed.B. Genito. Napoli, 1994. p. 331–345.

Trigger B.G. *Determinants of urban growth in pre-industrial societies* // *Man, Settlement, and Urbanism*. Cambridge, MA: Gerald Duckworth and Co., Hertfordshire, 1972. pp. 575–599.

SUMMARY

In the presence of a general serious study of the methodology of the civilizational approach, its heuristic capabilities in relation to specific regions and cultural and historical communities remain insufficiently developed. One of such objects is the past of the nomadic pastoral peoples of the steppes of Northern Eurasia. The interest in it for Russian historiography is caused by the fact that an important part of it is the Muslim Turkic-Tatar community. An important component of determining the origins of the Turkic peoples is the clarification of their civilizational affiliation.

The most important indicator of the development of civilization is the formation of the cities and urban culture. Since the time of archaeologist G. Child's development of the problems of the origins of culture, it was believed that urbanization, which took place after the Neolithic, was the most important step towards the development of settled agricultural civilizations. Thus, the urban revolution was considered and is considered to be the very essence of civilization. Accordingly, it is around this issue that the fiercest disputes are being conducted, especially fierce when it comes to a civilization that arose on the northern border of ancient empires, which on this basis are refused to be considered civilizations. Moreover, despite the opinion that nomadic society possessed dynamics, the anthropology of movement, it was declared stagnant and frozen in uniform forms. It seemed that nomadic states did not undergo any development at all, but were only able to plunder and ruin settled neighbors, maintaining stability only by exploiting settled regions.

An important role in the formation and development of the Turkic-Tatar civilizations was played by the fact that the steppes of Eurasia have long been the most important translator of cultural achievements and a trade highway connecting different parts of the Old World. Trade routes such as the Silk or Volga Routes, routes from Eastern countries to the Urals and Siberia have long flourished along the long transcontinental routes within Eurasia. The longest of them was the Silk Road. Various goods, knowledge and technologies have been moving along it for many centuries. Its origin is connected with the movement of the Turkic peo-

SUMMARY

ples, mainly the Xiongnu (Hunnu), to the west, where they reached the eastern borders of the Mediterranean civilization. As a result, a trade route was opened, along which silk, porcelain, tea, spices, silver products, as well as information about scientific discoveries and technical achievements were moved.

Later in the Middle Ages, trade highways united into a single network, becoming a kind of blood vessels that bring prosperity to all regions of Eurasia. Discoveries made at one end of the world quickly became the property of the entire continent.

Among the discoveries of the Turkic civilization, which puts it on a par with other great cultures, is the invention of their alphabets (the Turkic runic and the Uighur script). This cultural achievement is all the more significant because it represents the achievement of the Turks' own culture. For the first time, the Turkic peoples had the opportunity to transmit knowledge and preserve their culture in texts. This is an outstanding achievement that made the Turkic peoples one of the most important factors in the development of the medieval world. Later, the Arabic script spread among many Turkic peoples indicates the ability of the culture they created, receptive to the development of elements of another culture without compromising the basic foundations of their own.

The Turks demonstrate a high level of spiritual culture in creating a complex mythological system. This model of the world of Turkic culture, which received the conditional name "Tengrianism" in literature, had both common features with other mythologies, and its own vision of this and other worlds. This belief system coexisted with Manichaeism and Buddhism in the Turkic and Uighur qaganates, and was later adapted or pushed to the periphery of consciousness by the Islam. But the remnants of beliefs, having turned into superstitions, concepts explaining the world, have been preserved and are used by Turkic-speaking peoples today.

The Islam and Muslim culture, which began to take root among the Turkic peoples from the VIII century, and from the X century and became the state religion of a number of Turkic countries, began to determine their civilizational appearance. Various Turkic-Tatar peoples of Eurasia, having preserved their traditions, acquired a new vector of their cultural development, which connected them with another cultural space.

SUMMARY

All these cultural and technological discoveries, along with the sustainable production of food and handicrafts, have created the basis for a sharp acceleration of social and political development in Central Asia. The steppe peoples managed to create their own state already at the turn of the era. During the Middle Ages, in some historical periods, steppe peoples created a number of world empires, the largest of which was the power of Genghis Khan, which surpassed such empires as the Roman, Macedonian and Arab Caliphate in size. This proves that the culture of the steppe peoples was a constant and important factor of influence on world civilizations.

These processes were especially pronounced in the Volga-Ural region. Inclusion in large-scale international trade along the Volga-Baltic trade route has served as a powerful source of economic growth. The earliest Bulgarian cities that arose in the Volga region are a number of points along the banks of the Volga and Kama – formed under the influence of the Great Volga Way. The earliest evidence has been found here, which allows us to speak about the initial stages of the formation of the urban structure already at the beginning of the X century – the cities of Bilyar, Bolgar, Suvar and others, as well as agricultural and trade and craft districts are emerging and expanding. A system of spiritual education and theology is developing in the cities.

Dozens of cities known from written sources and archaeological data (about 150 settlements) are localized on the territory of Volga Bulgaria. Among them, the remains of large cities stand out: Bolgar, Bilyar, Suvar, Oshel, Bryakhimov, Tukhchin, Burtas (?), etc. There were numerous fortified settlements, as well as rural settlements (more than 800). In the X century in Bolgar and Suvar, its own coin was minted. The largest metropolitan city of Bilyar (the “Great City” of Russian chronicles), reached almost 800 hectares and a population of up to 50 thousand.

Bulgarians have adopted the traditions of the Turkic states (Turkic Qaganates, Great Bulgaria, Khazaria), as well as the countries of the Muslim East and Russia. The large cities of medieval Bulgaria often had a circular layout that was not subordinate to the terrain and were divided by fortifications into an inner and outer city. Inside the city had a manor layout. Stone or brick palaces, caravanserais, mosques, baths, mausole-

SUMMARY

ums and other public buildings were built. The mass construction of cities consisted of ground-based wooden dwellings, as well as household and industrial buildings.

In the future, the development of the Turkic civilization experienced bursts of growth, then falls as a result of natural-ecological and military-political events, but at the same time, the basic parameters, the cultural core, with all external socio-political changes, remained unchanged and being the basis of mental structures of long duration. A new surge of cultural transformations is already associated with the influence of European modernization and the formation of a nation, as well as national culture based on a complex of early traditions. Flexibility and, most importantly, the ability to make serious changes brought the Tatars to the number of modern urbanized nations, contributed to the strengthening of identity, which allowed them to survive all the severe cataclysms of the XX century.

Few local civilizations have been able to maintain their independence and originality in a dynamically changing world, modernization and globalization, erasing civilizational and cultural boundaries. The Turkic-Muslim (as well as its part – Tatar) civilization, having passed a long period of development and adaptation, through ups and downs, demonstrates the ability to modernize externally while preserving its cultural core and national-cultural identities. The origins of all these processes lie in the past of the Tatars, their interaction with the great civilizations – Aryan and Chinese, as well as more than a thousand and a half years of history of formation and development.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОЧЕРК I. Средневековая история тюрков: цивилизационный подход	9
ОЧЕРК II. Города и городская культура тюрков: период становления	30
ОЧЕРК III. Волжская Булгария: фактор урбанизации в становлении государства	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
БИБЛИОГРАФИЯ	90
SUMMARY	103

На обложке: фото ворот монастыря Эрдэнэ-Зуу в Монголии.

Измайлов Искандер Лерунович

**Тюркская городская цивилизация:
очерки теории и истории**

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.С. Гиниятуллина, А.Р. Тухватуллина*

Подписано в печать 26.12.2022 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 6,75 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У

Тел.: (8452) 24 86 33; e-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: <http://amirit.ru>

Сайт

Института истории
Академии наук РФ

Татаровед.рф

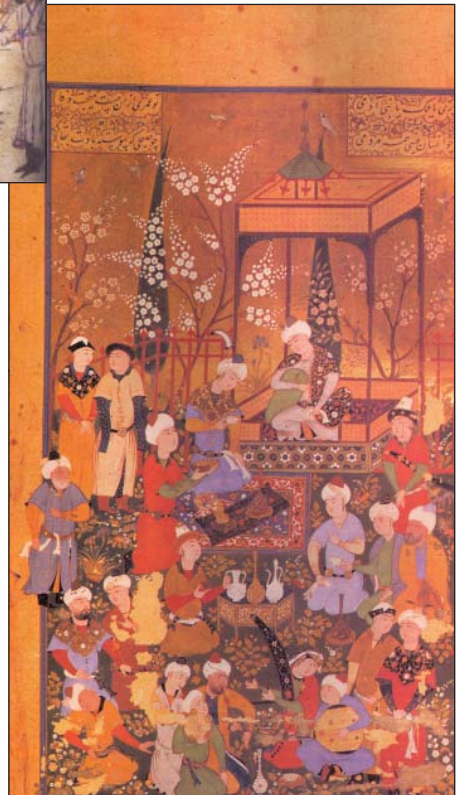
1. Миниатюрный цикл, посвященный битве при Лигнице. Миниатюра из «Жития Ядвиги Силезской» 1353 г.

2. Пресвитер Иоанн нападает на татар. Франция. После 1333 г. Лувр. Миниатюра из «Истории Великого хана» Марко Поло

3. Возведение на престол ильхана.
Тебриз. Иран. 1330 г. Миниатюра
к рукописи Рашид ад-Дина
«Сборник летописей»

4. Пир в саду. 1548–9. Бухара.
«Равзат ул-мухиббин»
(«Сад влюбленных»)
Махмуда Музаххиба.
Саларджанг музей. Хайдарабат

5. Взятие города. XVI в. Империя Великих Моголов. Индия. Миниатюра к рукописи Рашид ад-Дина «Сборник летописей»

6. Ременная пряжка с изображением трех ланей.
Бронза. Хунну. III в до н.э. Ордос. Северный Китай

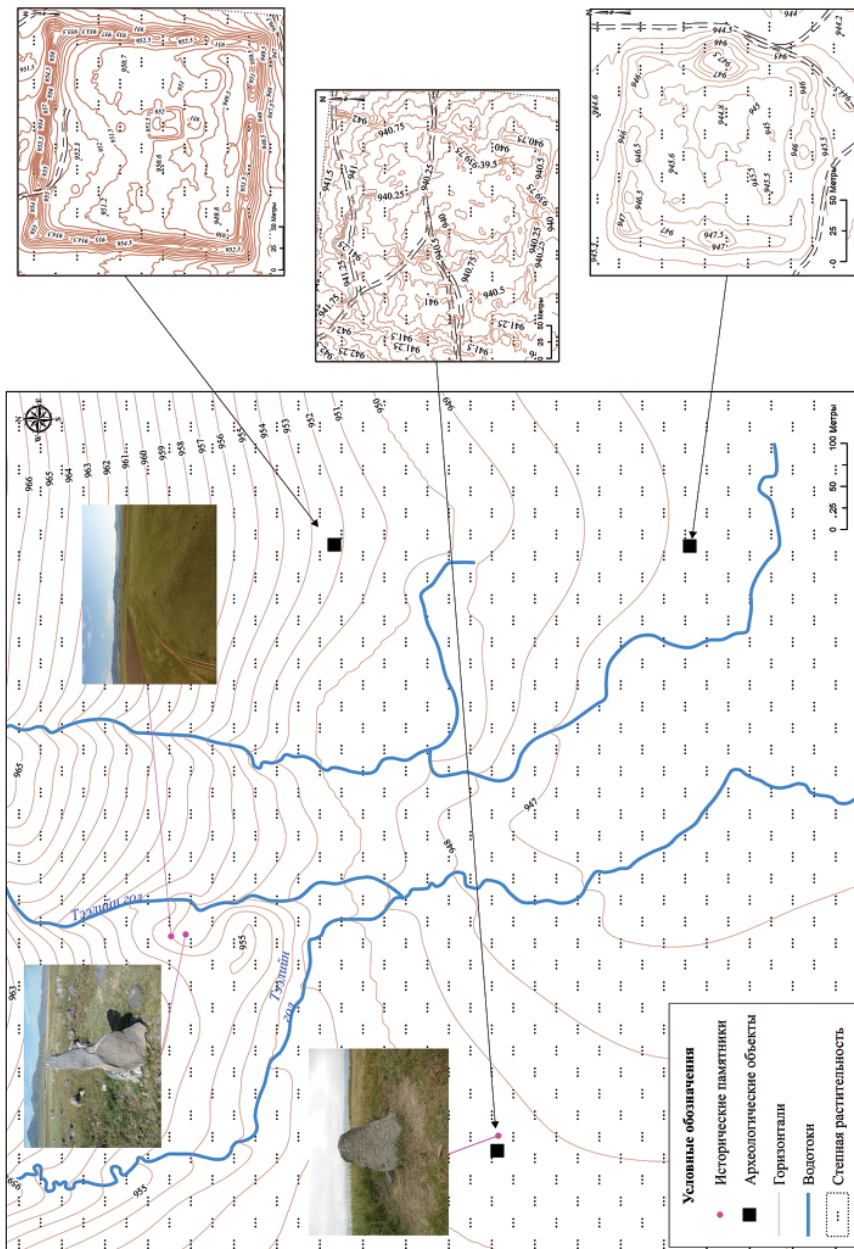
7. Шаньюй Маодунь (Моде) –
правитель хунну.
Реконструкция М.В. Горелика.
Атлас Tartarica
(Казань-М.-СПб., 2006)

8. Горлышко от кожаного бурдюка с изображением животных.
Кость. I в. н.э. Монголия

9. Кюль-тегин – правитель тюрков.
Реконструкция М.В. Горелика.
Атлас Tartarica
(Казань-М.-СПб., 2006)

10. План городища Бийбулаг (уйгурский город Бай-Балык)

11. Фото северной цитадели. Городище Бийбулаг

12. Стена северной цитадели городища Бийбулаг,
сделанная в технике хан ту

13. Городище Харбалгасун, столица Уйгурского каганата Орду-Балык.
Стены и дворец кагана. Фото И.Л. Измайлова

14. Городище Харбалгасун, столица Уйгурского каганата Орду-Балык.
Внутренняя часть города. Буддистская ступа в центре. Фото И.Л. Измайлова

15. Уйгурские князья в одежде и головных уборах в китайском стиле. Безеклик, пещера 9, X–XII вв. Дуньхуан. Северный Китай

16. Сцена захвата города. Фреска. VII–X вв. Восточный Туркестан

17. Каролингские мечи. X в. НМ РТ

18. Наральник и резак. Железо. X–XIII вв. Болгар. БГИАМЗ

19. Похороны руса. 1883. Художник Г. Семирадский (1843–1902)

20. Принятие ислама булгарами. 922 г. Художник. Р. Хузин

21. Фото раскопок Джамии-мечети в центре Билярского городища
(по Ф.Ш. Хузину)

22. Кирпичная баня. X в. Билярское городище

23. Золотаревское городище. Реконструкция

24. Старонохратское городище X–XIII вв. Фото А.З. Нигамеева